

СМЕНА

22

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НА ВСТРЕЧУ XXI СЪЕЗДУ КПСС

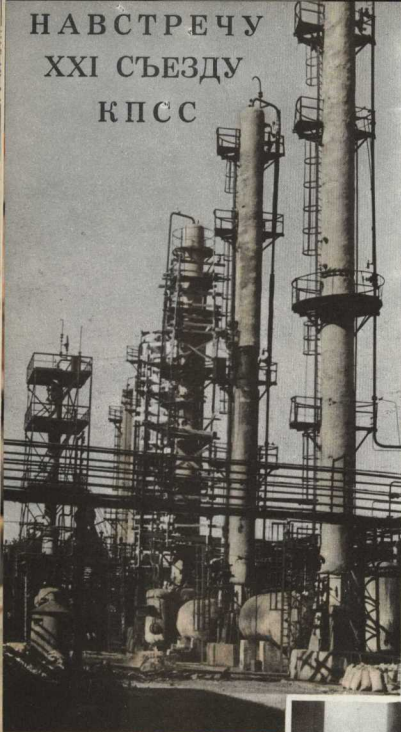

Фото В. Леонова.

Кому не известно, как широко применяется в нашем народном хозяйстве синтетический каучук? Но едва ли многие знают о том, что химиками уже созданы десятки видов этого замечательного материала.

Такие многообразные объясняются не только различным назначением каучуков,—создавая каждый новый вид, химики улучшают его свойства. Долгое время, например, на воронежском заводе имени С. М. Кирова выпускали дивинил-стирольный каучук. При всех хороших качествах он обладал серьезным недостатком: обработка изделий из него требовала затрат большого труда. И вот на основе дивинил-стирольного ученые-химики и инженеры создали новый вид каучука, масляный, который легко обрабатывается. В процессе производства такого каучука экономятся миллионы литров

Молодой химик Алексей Равский работает над одной из сложных тем—предупреждении образования вредных полимеризаций.

Вот они, комсомолцы Центральной научно-исследовательской лаборатории, инициаторы соревнования в честь XXI съезда КПСС: Эмилия Кошелева, Иннокая Лобева, Ганса Леонова, Алексей Равский, Тамара Ушанова и Маргарита Коинтеева.

Техник-химик Тамара Ушанова определяет молекулярный вес каучука.

ценного сырья — этилового спирта.

Не так давно советские химики одержали новую победу: они создали изопреновый каучук. Этот материал по своим свойствам практически воспроизводит натуральный каучук.

Молодые химики, которых вы видите на этих снимках, работают на воронежском заводе имени С. М. Кирова. Они принимают участие в освоении технологического процесса промышленного производства изопренового каучука: исследуют наиболее подходящие эмульгаторы, ищут удобную форму химического контроля за процессом образования каучука, испытывают образцы новой продукции в опытных цехах...

В честь приближающегося XXI съезда партии комсомолцы Центральной научно-исследовательской лаборатории воронежского завода синтетического каучука имени С. М. Кирова обязались досрочно собрать и пустить в эксплуатацию, завершить освоение новых катализаторов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Номер № 22, 1958 год.

Год
издания
35-й

Весь советский народ с радостью и гордостью отметил юбилей Ленинского мессива. Всюду в городах и селах страны прошли собрания. Юное поколение продемонстрировало безграничную преданность Коммунистической партии. Особенно волнующим был многотысячный митинг молодежи Москвы в канун славного юбилея.

Над притихшей Красной площадью торжественно прозвучали слова обращения — Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза:

«Мы клянемся свято беречь, зная революционной борьбы, обогатившие кровью отцов и матерей, овеянные бессмертной славой гражданской войны, в годы мирных притяжений и на фронтах Отечественной войны. Мы клянемся с честью пронести его в наше светлое завтра — в коммунизм!»

И пусть наша горячая любовь и родной Коммунистической партии, беззаветная вера в победу ее великого дела будут залогом того, что никто из нас никогда не нарушит эту клятву.

— Клянемся! Клянемся! Клянемся! — прокатился по площади многотысячный голос молодежи.

На снимках — Красная площадь в день митинга: 1. На трибуне Мавзолей. 2. На площади.

Фото М. Кухтарова и С. Гурария.

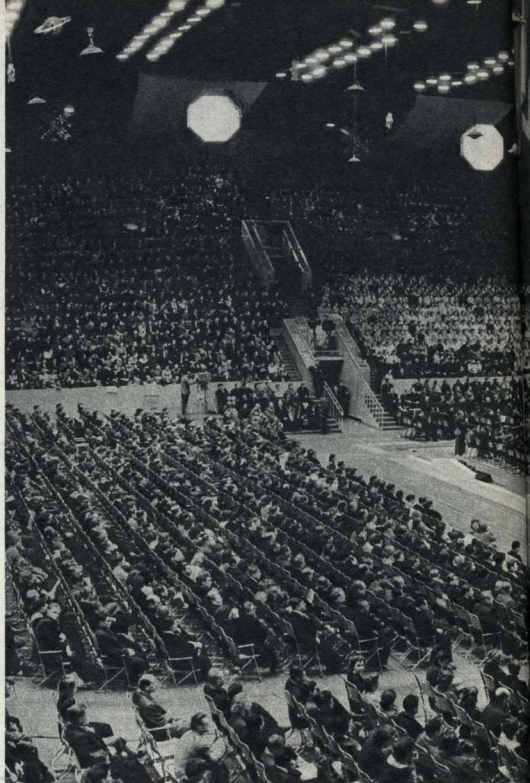

— Да здравствует славная советская молодежь! — провозглашает Никита Сергеевич Хрущев.

Пионеры приветствуют своего вождя — комсомола.

ВЕДИ НАС, ПАРТИЯ, ВПЕРЕД, К КОММУНИЗМУ!

Торжественный пленум ЦК ВЛКСМ

Празднование сорокалетия Ленинского комсомола завершилось торжественным пленумом Центрального Комитета ВЛКСМ. 14 тысяч посланцев комсомольских организаций республик и областей нашей страны собрались 29 октября во Дворце спорта в Лужниках. Казалось, раздвинулись стены огромного зала, и вся 18-миллионная комсомольца бурными аплодисментами приветствовала руководителей партии и правительства, прибывших на торжественный пленум, все комсомольца устами секретаря ЦК ВЛКСМ тов. В. Е. Семичастного рапортовала партии о том, что сделано за 40 лет, все комсомольца с огром-

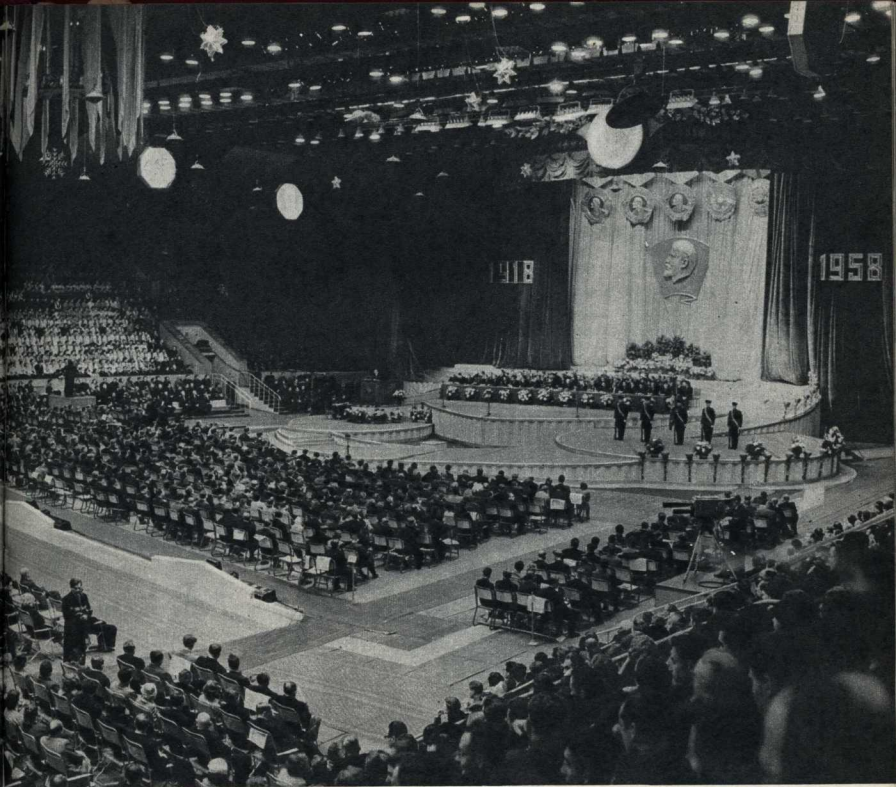
ным вниманием слушала речь Никиты Сергеевича Хрущева и Приветствие ЦК КПСС.

На пленуме было передано письмо Центральному Комитету КПСС и Совету Министров СССР от комсомольцев и комсомолок, юношей и девушек Советского Союза.

«Мы горды, родная партия, быть твоими помощниками,— говорится в этом письме.—

Со всем жаром юных сердец мы являемся звездой, всегда и во всем следовать за тобой.

Веди нас, партия, вперед, к коммунизму! Монолитны наши ряды, едино стремление осуществить твой предначертания. Никакие преграды не остановят нас на пути к коммунизму!»

До отъезда заполнены трибуны огромного зала Дворца спорта...

Фото С. Гурария
и С. Косырева.

Делегация Вооруженных Сил СССР пришла приветствовать торжественный пленум ЦК ВЛКСМ.

Начинается праздничное театрализованное представление.

ЮНОСТЬ МОЯ

После окончания восьмого класса Анатолий Беляев стал монитером одного из телефонных узлов в Ленинграде. Когда началось освоение целинных земель, он по комсомольской путевке уехал в Северный Казахстан, в совхоз «Ишимский», где работал прицепником, комбайнером... Сейчас 22-летний назначенный поэт служит в Советской Армии. Стихи Анатолия Беляева печатаются впервые.

Комсомолыя

Комсомол — это те, кто молот,
Кто вершит большие дела!
Комсомол — это мирный голубь,
У которого крылья орла!

Вот поэтому я в Комсомоле.
Разве можно, Коммунист строг,
Жить на свете одним собою,
Одного лишь себя любя,

Если сердце так сильно бьется,
Если песня из сердца рвется,
Если самый счастливый — я!
Вот поэтому я в Комсомоле.

Комсомолыя —
Юность моя.

Если я ошибусь, быть может,
Кто ошибку найти поможет,
Кто в беде ободрит меня!
Комсомольцы — семья веселая.
Горе каждого — горе всех,
Смех товарища — общий смех,
С ним горе мое — пустак.
Вот поэтому я в Комсомоле.

Комсомолыя —
Радость моя.

Если снова война развяжется,
Если снова врагам покажется,
Что без драки прожить нельзя,
Мы навстречу им с хлебом и солью,
А с оружием в крепких руках
Смело выступат в первых рядах
Комсомольцы — мои друзья.
Вот поэтому я в Комсомоле.

Комсомолыя —
Советь моя.

Ишим

Ишим дурой иссия-перелой
Легит сейчас передо мной,
К нему тропой облепеленой
Идут дечата за водой.
Грохочут ведрами пустыми,
И, тринды злом повтoren,
Летит над скалами крутым
Их голосов веселый зvon...

Здравствуй!

Здравствуй, с молнией, с громом,
Маясья дождь проливной,
Море немых черемух
С белоснежной волной.
В голубом полусвете
Костромские леса,
И с рассвета почти до рассвета
Звонких птиц голоса!

Здравствуй, поле лыняное
В окаяне берез!
Все здесь сердцу родное,
Все знакомо до слез:
И тропинка лесная,
Что травой заросла,
И изба деревня с краю
Небольшого села.

Здесь над оинами свито
Столько ласточных гнезд!
Здесь впервые открыт
Мною тысячи звезд,
Здесь остался я след свой —
Куст рябин у пруда.
Но табуль, мое детство,
Отражает вода!

И не здесь ли со мною
Ты простилась всерьез!
Здравствуй, поле лыняное
В окаяне берез!

Салют

Снова стали улицы зеленым,
И на радость праздничных ржан
В День Победы белыми бутонами
Прямо в небо выстрелил каштан.

После дождя

Туча дождь унесла далеко.
Легкий ветер играет травой.
Пахнет воздух парным молоком,
Так и хочется выпить его.

Словно мелкие брызги огня,
В розных каплях тысяч солнц.
Ослепляя, глядят на меня
Из своих полукруглых окон.

После дождя птицы в саду
Веселее, чем обычно, поют.
Словно жидкая большую беду,
Ну, а встретили радость свою.

Хорошо после сильных дождей!
Свежим воздухом легче дышать!
Вот, наверное, так у людей
В День Победы светлея душа...

СТЕП МЕЛО

Юрий ОВЕРКО

До самого горизонта здесь простиралась степь, целина. Сибиряк Дмитрий приехал сюда с Оби, медлительный Олмас — из-под Полтавы, а литовец Вацис жил до этого в далеком Вильнюсе. Мы любили поговорить вечерами и знали друг о друге все или почти все. Только молчаливый худак с кивком странным именем — Прох — не принимал участия в наших беседах и часами сидел в полутемном углу, чинил старенький приемник.

— Ну вот, — сказал он однажды. — Теперь все.

— Что все? — не поняли мы. — Доломал!

— Сделал! — весело ответил он.

С этого дня в нашей палатке зазвучали самые приунывшие мелодии. Они были то легкими и беспечными, то печальными, как долгие песни без слов. Мы вслушались в эти мелодии и пытались понять их затаенный смысл. Порой они занимали и даже волновали нас, но чаще всего они были сложны и уютны.

За день мы были оглушены однообразным гулом дизелей и лязганьем металла. После работы разговаривали громко, почти кричали, как будто с трудом, слышали друг друга. Нам было не до музыки.

Прох удивлял нас своей влюбленностью в каждый звук маятного рабочего дня. Он был готов часами прислушиваться к далекому отзвуку моторного рева, гулкому грохоту широкой повозки, шороху дождя или вскрикам спящих птиц. Его вниманием завладевало все, что звучало в этом просторном и немолчаливом мире.

— Степанчик воду привез, — говорил он, сидя в палатке. — В бачок переливает... Слышите?

НА Я Д И Я

Рассказ

Мы пытались что-то уловить, но слух наш был наполнен гулом прошедшего дня. Мы выглядывали из палатки и действительно видели сердогитого Степаныча, переливающего воду.

— Бис его знае!— пожимал плечами Опа-нас.

Нас поражала восприимчивость его слуха, и если бы он однажды сказал, что слышит шепсел падающих звезд, мы поверили бы ему...

Степь лежала молчаливая, будто затиха свои вековечные думы; все простор и простор—попробуй поступи! Однанды лемеха плуга взрезали эту залежь. И арсугула земля, и с облегченным вздохом отвалились вывернутые пласты...

Мы подымали степь в однообразной сутоложе будничных дел. Днем с высоты палило горячее солнце и над тракторами с кряком носились чайки. Было много света, воздуха, дневным сочетанием оттенков вспыхивали степные цветы. А ночами за плугом сторожили степные цветы. А ночами за плугом сторожили степные цветы. А ночами за плугом сторожили степные цветы.

Пров работал прицепщиком и ни одному из нас не уступал в труде. Мы были гораздо здоровее его и все же после смены падали в постели, порой даже не раздеваясь, забыв о оде. А он, высокий и худощавый, склонившись над своим приемником, допоздна выискивал что-то в эфире.

— Тожека!— слышали мы свозь сон его восторженный возглас, и какая-то тревожная мелодия долго билась о брезентовый полог нашей палатки.

Иногда, просыпаясь, мы видели его задремывающим возле включенного приемника.

— Ты бы ложился!— осуждающе говорил Дмитрий.

— Нет, нет!— торопливо шептал он.— Я по-том... Это Грег!

Но однажды произошло то, о чем никто из нас долго не мог забыть.

Вернувшись с очередной смены, мы свалились в постели, а в середине ночи нас разбудили кую-то призывные анорды. Они звучали грозно и возбуждающе. От них, казалось, вздрагивала промокший брезент палатки. Все вокруг было наполнено гулом.

Мы приподнялись на постелях, пытались понять, что происходит...

Возле ревующего приемника сидел Пров. Лицо его отражало какой-то странной порыв, глаза светились радостью. Ему не было дела до наших измываний, зномявших тел, до нашего прерывистого сна. И это взбесило нас.

— Сволочь!— выдохнул Дмитрий. Обычно сдержанный, он вскачил с постели и с силой рванул провода батарей.

Пров сразу кинуть ступулился, потом посмотрел на нас долго и пристально.

Больше мы ему не сказали ни слова. В остаток ночи мы лежали молча, делясь, что спим. Это продолжалось мучительно долго. Надо было прождать тигостное молчание. Кто-то вполголоса кашлянул, потом затеянно вздохнул.

— Холодно,— выдала Вацис.

— Пров,— вдруг спомонил и отчетливо прозвез Дмитрий.— Ты должен простить...— Он замолчал, подысывая слова.

— За что?— отозвался Пров.

Рисунок А. Шульца.

Поворотили целины стали героями первых рассказов Юрия Оверко не случайно. Юрий родился и рос в Сибири, учился в школе рабочей молодежи. В 1950 году он поступил на филологический факультет Вильнюсского университета и, получив диплом, снова работал в Сибири на целинных землях лесотропом. Сейчас Оверко работает в газете «Советская Литва». Он готовит и печатает сборник рассказов «Земля целинная». В центральных изданиях Ю. Оверко печатается впервые.

Сумерки, лунными вечерами он стал уходить далеко в степь. Правой рукой обхватывая свой старенький приемник, а левой придерживался за плечо батареи. Мы старались не смотреть ему вслед. А он, спотыкаясь, уходил все дальше и дальше... И вскоре степной ветер доносил к нам обрывки мелодий.

Мы обычно жеманно валимо тлеющего костра и молча подолгу слушали. Иногда кто-нибудь из нас начинал говорить о своих далеких родных местах, о доме.

Случалось сумерки, и высоко над нами полыхали большие звезды. Часто мы оставались возле костра на ночь. Засыпали поздно, и все же никто из нас не знал, когда возвращается Пров.

Прогулявшись, мы видели его спящим где-нибудь в стороне от палатки. Казалось, он и во сне к чему-то прислушивается. Выражение его лица было настроенным, а ресницы беспокойно вздрагивали. Мы боялись сплутнуть сон Прова окрылся или даже начал по-настоящему подымался без суеты, разговаривали шепотом. Приготовив завтрак, мы осторожно трогали его за плечо. Он открывал глаза и про себя чему-то мысленно улыбался.

После работы он по-прежнему уходил в степь, и так продолжалось долго, почти ежедневно. Но вот как-то вечером, когда Пров привычно встал на плечо комплект батарей, Дмитрий остановил его возле выхода из палатки.

— Оставайся здесь, — сказал он. Пров лязнул оглядывая нас по очереди, и мы заметили, что губы его слегка дрогнули.

И снова в нашей палатке зазвучал мелодично на время музыки. Мы слушали ее сравнительно спокойно, Пров же становился совершенно другим человеком. Какое-то смущенно, поблудневший, он смотрел на нас холодным, отступающим взглядом. Его рука с длинными, гибкими пальцами вздрагивала.

— Твое место не здесь, — сказали мы ему одинаково. — Ты должен быть там, где много музыки.

— Разве ее мало здесь? — спросил Пров. — Возвук ведь все звучит! Вот она... степь! Вы думаете, она беззвучна? Она поет!

Мы почему-то верили, что со временем Пров

сам создаст симфонию. Она будет гораздо лучше тех, что слышали мы. В ней прозвучат десятки мелодий, десятки звуков. Там будут сомнения и подвиги, там будут слышны вздохи поднятой земли и звон колосьев. Эта музыка будет лучшим рассказом о том, что мы сделали и пережили здесь.

Привалили сумерки, горячие дни. Но вот расклеванную за день степь придавили плотные синие тучи. В ожидании чего-то хорошего смолкли птицы, замерли беглые травы. Хотя бы дали шепсел, возглас или легкий стрекот кузнечика. Степь пригласила. Приближался гроза.

Первый раскат грома, казалось, встряхнул землю так, что травы исконкулились и полетели. Мы не могли понять, что это: ледяные порывы ветра, потоки воды, длинные всплески молний, раскаты грома — все слилось воедино, и все это обрушилось на степь.

Вскоре гроза стала утихать. Мы принялись за свои дела. Пров, как обычно, припал к старенькому приемнику. Разряды молний с сухим треском перебивали музыку, и лицо Прова становилось тогда по-мальчишески обидчивым.

— Печми грозу, — сказал Дмитрий. — Это симфония Моцарта! — отозвался Пров.

И вдруг ослепительная вспышка отшвырнула Прова от приемника. Скрикнул, он скатился за глыбу и утонул.

В разорванный брезент палатки потекла вода. Мутный ручеек, петляя по земляному полу, стал подбираться к Прову. Это, быть может, оставил нам предостережение Пров. Мы бросились к нему, подняли и положили на постель. Дмитрий попытался отнять от глаз его руки.

— Спусти руки! — приказал он. Потом аял Пров за плечо и склонился над ним, сказал: — Веди ты видишь! Да!

Мы разом подлились вперед, ожидая ответа. — Да! — повторил Дмитрий.

— Нет, — глумливо ответил Пров. Гроза проходила. Степь озарилась солнцем. Пров приподнялся на локте и, взглянув вверх, быстро спросил: — Там свет? Почему вы молчите!

Кто-то отдернул полог, и к нам стремительно ворвались лучи солнца и хлебный аромат степи — запах жизни.

— Там светлеет, — сказал Пров. — Значит, мне это не показалось. — Он протянул руку к Опанасу и добавил: — Здесь кто-то стоит!

Мы будто ошарены от этих слов, возбужденно и сбивчиво что-то говорим все сразу. Зрение возвращается медленно.

Пров, ослепленный молнией, постепенно начал различать предметы. Спустил нас он подальше валил голову на полу приемнику и топнулся, оцупая его.

— Отгырался! — Это сказал Опанас. Пров вздрогнул.

— В суботу полушка, — напомнили мы ему, дурно себе покаяв.

— Нет, — отозвался Пров. — Я должен отсылать деньги матери.

С этого дня в нашей палатке перестала звучать музыка. Всем нам казалось, что у нас что-то отвалило. Мы уже не могли, как прежде смеяться и шутить, не могли даже позволить себе громко разговаривать, особенно если среди нас был Пров.

После смены Пров забивался в угол палатки и молчал. Это не было далеко от того, что Опанас, — сказал нам как-то Опанас. — А ведь у него со слухом беда.

— Ты это брось! — угромо взорвался Дмитрий.

А он подлился! Опанас подошел к Прову и негромко, но отчетливо произнес: — Пров!

Затем окликнул его еще раз и еще... Пров не отвечал. Тогда Опанас тронул его за плечо, и тот, сразу обернувшись, отрывисто спросил: — Что!

— Ну! — минутой позже повторил Опанас. — Ш... Как-то после смены Дмитрий подошел к Прову и, не глядя на его осунувшееся лицо, сказал:

— Ты должен поехать в район, к врачу. Пров растерянно взглянул на нас и, покаяв, в одно дело, судя по всему, ответил:

— Я все слышу. Вам показалось... Все же съезди... Оставьте меня! — попросил Пров.

На другой день Вацис вызвал нас из палатки и зашептал: — По-моему, Прову просто не хватает мелодий.

— Яких мелодий? — не понял Опанас. — Всяких, — неуверенно объяснил Вацис. — Не может он без них. Понимаете!.

Мы не знали, верно или нет этой догадки, но она поразил нас. Мы не могли понять, почему никто из нас раньше не подумал об этом.

Поздним вечером, когда теплые сумерки окутали сонную степь, мы послали Дмитрия на мелодичный поиск. Он взял с собой шестистот двадцать пять рублей — все, что у нас было. На эти деньги он должен был купить новый приемник.

Весь следующий день мы не отводили глаз от серой степной дороги. Стали густеть голубые сумерки, и высоко над степью одна за другой всплывали лунные звезды. Одна из них замелькала в стороне от дороги, у самой земли. Вскоре она стала искриться все ярче и ярче и наконец оказалась вздрагивающим огником мотоцикла.

Никто из нас не двинулся с места. Мы молча, затеяв дышанье, смотрели, как Дмитрий, обхватив рукоять исквяющей приемник, заглушил мотоцикл и направился к палатке. Оглядев нас, он сказал: — Давайте вместе...

Дважды вошли в палатку. Дмитрий тронул за плечо Пров! — Вот... возьми.

Пров приподнялся с постели и замер. Опанас присоединил оголенные провода к батарее и включил приемник. Потом он оглянулся на нас, и мы увидели перед собой замороженный, глаза его влажно блестели.

Стараясь не глядеть друг на друга, мы потихоньку вышли из палатки.

В голубой ночи струили свет зеленые звезды.

г. Вильямс.

«Березга»

родотую молодость. Танни и предстает перед зрителем ансамбль с его грациозными, юными исполнительницами, с его интересной, постоянно обновляющейся программой народных танцев.

Многие танцовщицы приходят сюда из кортежа физического училища. В театре физкультурного училища. Но все же танцевать в ансамбле «Березга», по сравнению со своим старым училищем, уже успели завоевать творческие симпатии зрителей. Многие танцовщицы не имеют специального образования, однако они настоящие профессионалы, что вполне заслуживает внимания. Теперь первыми солистками ансамбля. Танец Дивелы Агабоковой впервые зашел на излюбленной сцене. Одна из ведущих солисток. Любовь Тримова, тоже начала с выступления в любительском коллективе. Любо умело сочетает нежный артистический труд с образцовой работой. Комсомольцы ансамбля избрали ее своим ведущей и назвали ее «Березга».

Не так давно «Березга» получила письмо из родины нашей Родины. После короткого боязни пришла вала молчания, где со временем еще молодой тогда коллектив был удостоен первой премии и звания лауреата ансамбля совершенства. Более двадцати зарубежных поездок. С неизменным успехом выступил он в Китае и Франции. Польше и Австрии, Венгрии и Бельгии, Англии и Японии.

Собрав ансамбль из страны, где нас осталось множество и где беседе с корреспондентом «Смена» заслуживает название искусства Надежды Бертевич Надеждина — основательница и бессменный руководитель «Березга» — Надяго вспоминает нам трогательные встречи с зарубежными артистами, особенно с итальянскими товарищами. Там дорожью память хранит Надежда Северная письмо, полученное от жителей Шанхая Ван Чундзя. «У нас родился девочка, с радостью сообщаем счастливые отец, — вы как с молодой речью назвать ее Березга».

Собрав ансамбль совершенства концертное турне по Америке, Европе, Азии и Канаде. Проме танях известных городов США и Канады. «Лобедушка», ансамбль покаяет американским почетом в Нью-Йорке «Прияня», «Сударудия», «Березга» выиграла международный конкурс, масленица. «На осенней ирмарке» — всего семнадцать номеров.

премии и звания лауреата ансамбля совершенства. Более двадцати зарубежных поездок. С неизменным успехом выступил он в Китае и Франции. Польше и Австрии, Венгрии и Бельгии, Англии и Японии.

Собрав ансамбль из страны, где нас осталось множество и где беседе с корреспондентом «Смена» заслуживает название искусства Надежды Бертевич Надеждина — основательница и бессменный руководитель «Березга» — Надяго вспоминает нам трогательные встречи с зарубежными артистами, особенно с итальянскими товарищами. Там дорожью память хранит Надежда Северная письмо, полученное от жителей Шанхая Ван Чундзя. «У нас родился девочка, с радостью сообщаем счастливые отец, — вы как с молодой речью назвать ее Березга».

Собрав ансамбль совершенства концертное турне по Америке, Европе, Азии и Канаде. Проме танях известных городов США и Канады. «Лобедушка», ансамбль покаяет американским почетом в Нью-Йорке «Прияня», «Сударудия», «Березга» выиграла международный конкурс, масленица. «На осенней ирмарке» — всего семнадцать номеров.

Собрав ансамбль совершенства концертное турне по Америке, Европе, Азии и Канаде. Проме танях известных городов США и Канады. «Лобедушка», ансамбль покаяет американским почетом в Нью-Йорке «Прияня», «Сударудия», «Березга» выиграла международный конкурс, масленица. «На осенней ирмарке» — всего семнадцать номеров.

Собрав ансамбль совершенства концертное турне по Америке, Европе, Азии и Канаде. Проме танях известных городов США и Канады. «Лобедушка», ансамбль покаяет американским почетом в Нью-Йорке «Прияня», «Сударудия», «Березга» выиграла международный конкурс, масленица. «На осенней ирмарке» — всего семнадцать номеров.

Медленно раздвигается занавес, и на сцене возникает березовый роща. Трещит источник, проливающий яркими лучами проносив, и кажется, что весенний ветер колыхает молодые, еще не расцвевшие деревья. Но вот из-за березок выбегают девушки в цветастых sarafan'ах. Начинается хоровод. В танце нарастают движения, танцы плывут, словно лебеди, то кружатся в безудержном танце, русские приспевают: «...Выступают хореографический ансамбль «Березга». Уже само это название, поэтическое название как бы олицетворяет собой нежную

создавать вузы-шахты, вузы-заводы, вузы-железные дороги... Сейчас это движение только зарождается. Здесь, у нас...

Студенты обиды глазами темных стем стариков баража...
— А как изменился облик студента! — говорил Николай Дмитриевич. — Появятся, возможно, особый кодекс студенческой морали. Ты не умеешь носить мантию — значит, не студент...

— «Не можешь выдолбить корову — не студент», — вставил Саша Седов.

— «Не едешь верком, как паству, — не студент», — добавила Люся.

Беседа директора со своими ближайшими сотрудниками. Повадно уехал из лагеря Владимир. Его променяли и долго еще разговаривали у автомашин. Потом вернулись в барак, в Саши Седов присел:

— А я, ребята, вначале еще хотел пожаловаться. Все же нелегкое это дело — начинать первым...

«ЧУДАЧКА» НАТАША

Когда Наташа Платонова утеселась хитринками и стала целыми днями продавать в школьной кондитерской, ее друзья и знакомые заявляли, что из Наташи непременно выйдет ученый. Однокурсники же считали, что Наташа просто чудачка.

— Опять от себя пахнет кошкой! — возмущалась она.

— Это не кошка, — отвечал будущий ученый. — Это феликс из риса, из семейства кошачьих.

Однажды — было это уже после окончания десятилетки — Наташа приехала домой, размахивая газетой и прелестью порога прочла матери объявление. Горьковский сельхозинститут пригласил всех желающих приобрести профессии зоотехника, ветеринара, агронома в свое учебное хозяйство. Тем новичкам предстояло поработать два — три года и заодно подготовиться на специальных курсах к приемным испытаниям в вуз.

И вот Наташа вместе с сотнями своих новых друзей и подруг выслушивает науцственное слово директора института.

Вс теперь называют абитуриентами, — говорил он. — Абитуриент — это значит «сдающий экзамен». Вы же первые года будете только работать в учиться на курсах, а знаете, куда-нибудь дойти вы будете славазы свой самый серьезный экзамен. И тот, кто выбрал себе профессию не случайно, кто привнес сюда призвание, справится с испытанием. Не бойтесь первых трудностей! У нас в институте студенты говорят так: «Новички научат тебя, во-первых, ответственности, во-вторых, стойкости, в-третьих, радости».

В первый же вечер своей новой жизни Наташа писала матери: «Мне понравились «Новички». Это целый молодецкий городок на крутом берегу Оки. А какой здесь сад! Только жаль, что совхоз, который достался институту, очень запущен...»

В другое утро Наташе и ее подругам Ире Качевой и Лиде Сивустовой торжественно передали старую лодку Метелку. Наташа осторожно взяла лодку под уздцы, не зная, что с ней делать.

Девушки нагугали на телегу тяжелые лахучие себлби кукуру-

ры. Внезапно Метелка вырвалась из упряжи и отправилась на лужайку пастись. Девушки, как ни старались, не могли заставить пойдти ее к возу.

— Может, повезем сами? — предложила Ира.

Выручила Наташа. Она подошла к Метелке и, достав из кармана кусок хлеба, протянула его лодке. Метелка, покосившись фиолетовыми глазами на новую хозяйку, осторожно взяла хлеб и только тогда позволила повести себя к оградкам.

— Ты, наверное, секрет особый знаешь? — удивились подруги.

Вскоре Наташа попросила перевести ее на ферму. Новая работа утескала. И перекую заведующий учком Михаил Иванов заставал Наташу со своими любимыми в поздние часы, когда все расходился по домам.

С тех пор прошло много дней. Однажды, когда устала Наташа возвращалась в общежитие, она вдруг по-новому увидела свой город. Старенькие барачи, связанные электрическими отгимами, были похожи на корабли, готовые отойти в какое-то дальнее плавание. И Наташа решила написать матери, что она счастливая, что ее здесь уважают никто не называет ее чудачкой за любовь к животным...

КОМИТЕТИЧИ

Леша поклонился карандаш и крупно вывел: «Сегодня состоит комиссия комсомольского собрания абитуриентов. На повестке дня один вопрос — Геннадий Митенков». Комитет комсомола абитуриентов помещался в бараче, в комна-

те, где жили секретарь Леша Переведенца и Витя Михалко, его заместитель. На первый взгляд казалось, трудно найти более несхожих людей. Леша — южанин, бывший первокурсник лесного института, родом из родного стуха, медлитель. Говорит он не спеша, обдумывая каждое слово. Десятиклассникам, приехавшим в «Новички», он чем-то напоминает учителя. Витя — приземистый, коренастый белорус, очень живой, из тех, кто за словом в карман не лезет. Носит он не бушлат, как Леша, а риженькую гимнастерку. Он из сухожухотных и к морским терминам, которые уважает его приятели, относится с пренебрежением. Но с первых же дней Леонид и Виктор сдружились. Оба до армии работали в колхозе, оба не сумели поступить в сельхозинститут и оба решили не сдаваться.

Когда абитуриенты выбрали свой комитет, получили так, что первыми были названы фамилии Леонида и Виктора. Кому же, как не этим настоящим хлопцам, были возможны абитуриентов? Тем более, что у комсомольских руководителей должны быть особые качества. Об этом говорил на собрании секретарь институтского комитета комсомола Володя Шешнев:

— Слышали ли вы, что такое «сать»? Расшифровывается это так: система ступенчатого студенческого самоуправления. Она вводится в общежитиях, столовых, в полководческих бригадах, где в помощь студентам старших курсов предлагаются младшекурсники. «Четвере «С» означают, кроме того, что вы, как и наши студенты, все будете делать сами: ре-

мониторить дома, фермы, машины... Пока вы еще несильны, поэтому за всеми работами будут наблюдать старшечники. Спорные вопросы будут решать не административный, а выбранный вами комсомольский комитет. Вот что такое «сать» «С».

Новая система доставила Леониду и Виктору немало хлопот. Комитет комитетов старшечников сдвигался об этом. Дочери с рукоятками, сложенные в угу, — это соколки. Их мастерили тут же, в комитете, когда были объявлены позад «Ни одной инострактурной стеньки». Ящик со стальными обрезками напоминал о тех первых днях, когда абитуриентам пришлось стать стеньколюбками.

Сегодня в комитете собрание. Комната наполняется людьми в фуфайках, лыжных костюмах, шинельных куртках. Засиделась, чтобы разобраться в поступках Митенкова.

Геннадий выходит к столу. Гороб стыхает. Здоровый, румяный, с выветренными щеками, Леонид, стоит, надменно сжав губы, и зло парает донос. Наконец он вырывается:

«Хорошо, я скажу. На сдес обманываю, работа. Мы просто чернорабочие. Целую неделю меня заставляли под корнями чистить. Теперь пошлют навоз в туалеты. Здесь неистукан, а Трудуколия. Вот что!»

— Трудуколия? Ну как что же? — спрашивает Михалко. — Вроде неплохой народ рос у Макарека...

— Так они чужим карманом пользуются!

— Ну, браток, у нас еще многие не своим карманом пользуются, а родительским, — вмешивается Переведенца. — Это проидет... У него не проидет! — перебивает Вера Иванова. — Он присел сюда «отработать» для диплома.

— Что говорит! Не ко двору человек...

— Да что вы пристали! — взрывается Митенков. — Получил свое самоуправление и пользуетесь! Выгнать хотите?

После двухчасовых прений собрание исключает Митенкова из числа абитуриентов. Когда комитет стует, Витя Михалко, комкая в руках пилотку, обращается к Леониду:

— Леша! Ты же знаешь, я на ферме воловоком. Начался еще в вичные стухи. Надо кое-что на зиму купить. Сегодня дежурство, а у моей группы занятия на курсах. Как быть?

— Ладно, — отвечает Леонид, подумав. — Если не надеется никого, я тебе сам подмою. Моя машина в ремонте...

ВЕСНА ДЛИТСЯ ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

На двери этого кабинета могла бы висеть медная дощечка: «Доктор Виктор Алексанрович Дворисов». Но вместо дощечки в ладри приколота бумажка: «Ключ на косяке». Залеска предназначена для студентов, которые работают в «Новичках» заместителем доцентом.

После дежурства на птинеферме или маслозаводе в кабинет Дворисова спешат его главные помощники — Вяля Земсков и Борх Чрепкин. Большогололый крупный человек Земсков и застенчивый Борх, с вечно сбитыми на кончик носа очками, увлечены идеями, которую

Студент Александр Седов ни в чем не уступает опытной доярне.

выдвинул их двадцативосьмилетний руководитель.

Он хотел сделать гусеницу в два раза дешевле синими и для этого проектирует автоматическую птицеферму.

В минуты изобретательского азарта доцент не отличился от третикурсников. Борисов, как и оня, размахивает руками, спорит, и только по тому, как легко он оперирует цифрами, становится понятно, кто же здесь подлинный знаток.

— На новой автоматической птицеферме мы создадим искусственную весну, которая будет даться нелегко год! — говорит доцент, и три сагитирующихся птицы удержат весну, склоняются над чертками.

Виктор Александрович — человек одной цели. Он принадлежит к тем людям, в которых никогда не исчезает влюбленность в свою профессию. В двадцать четыре года Виктор Александрович защитил диссертацию, а вскоре стал своего рода чемпионом в гусеводстве.

Каждый, кто занимался разведением гусей, знает, как трудно получить от гусиной хотя бы 25 яиц в год. Гусыня у немецкого ученого Гейма несли по 80 яиц, и птицеводы мира считали это рекордом.

Горьковчанин Борисов решил создать на гусеферме искусственный микроклимат. После четырех лет напряженного труда молодой ученый добился того, что гусыни стали нести все двенадцать месяцев. Результат был поразительный: 180 яиц от каждой птицы за год! Оставалось лишь придать опыту, как говорится, масштабность. И Виктор Александрович перешел от лабораторных исследований к строительству гусеводческой птицефермы.

Когда институт приобрел пригородное хозяйство, Борисов первым решил переехать в «Новинки» со всей семьей. И теперь в его кабинете заканчивается разработка чертежей новой птицефермы. Доцент обещает со студентами тут же, на канцелярском столе. Обед превращается самыми неожиданными репликами:

— Борь, ты рассчитал дозу ультрафиолетовых лучей?
И за столом начинается разговор об искусственном солнце на птицеферме. Случается, Виктор Александрович, Борис и Вадя вспоминают времена, когда в институте много говорили о связи преподавателей со студентами.

В итоге разговоры кто-нибудь из преподавателей являлся в общежитие и, положив ногу на ногу, вспоминал анекдоты времен своей юности. Это называлось громко: найти общий язык со студентами.

«Новинки» как-то сами собой решили проблему «общего языка», без лишней дискуссии.

ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

Осенью погода как будто захотела рассчитаться за все засухи, которые бывали в Березинке Подольска. Дождя был без конца. На размякшей, липкой земле студенты поставили шалаши, в них отмахивались и обещали.

Как-то в полдень к шалахам подошел один из бригадиров, Саша Ковлягин. Лишь его с упреком сдвинутыми бровями было забрызгано грязью.

— Михаил Михайлович! — крикнул он.

Из шалаши вышел делав агрофака Максимович, крепкий сухощавый старик. От долголетней работы профессора было постоянно прищурено. Казалось, он все время держит кого-то на прицеле. Недаром студенты побаивались его взгляда и говорили, что профессор видит студенческую душу насквозь. Михаил Михайлович пристально взглянул на бригадира.

— От картофелеполюх никакого проку, — сказал Ковлягин. — Месяц грязь, как тесто, а клубни в земле.

— Надо послать за пугами, — коротко ответил профессор.

— Я уже принес их, — Ковлягин указал рукой в поле.

«Неужели погода назад отот Саша Ковлягин был тихим, неприметным студентом, из тех, кто мы поспешили занести в среднячки? — думал профессор, с удовольствием оглядывая энергичную, пишущую зловремью фигуру бригадира. — Помнится, он не выступал на собраниях, не отличался красноречием».

Из шалаши выбежали старшестркурсники — командный состав бригады, за ними — «принадлежные части» из студентов младших курсов и лаборантов. Бригада потовлялась к бою за урожай. Кто-то вспомнил об Алексее Рыбакове. Вот уже несколько дней, как он убежал с уборочной. Убежал тайно, убедившись, что медицинские справки, которые он обычно приносил старосте курса, в «Новинках» не действуют.

— Вот что, Рыбаков, — сказал ему Ковлягин однажды. — Мы знаем, что твой мамина — врач. Это она тебе бумажки подписывает. Прежде мы от тебя всякую липу принимали, потому что всетаки считали семью. Сидишь рядом на студенческой скамье — ну и сиди. Может, еще выйдет из тебя проку... А здесь оказалось, что ты у нас случайный гость».

После этого разговора Рыбаков неслышно исчез. Сидя рядом, когда каждый человек был дорог, сильнее всех переживал отсутствие беглеца Михаила Михайловича. Если бы год тому назад профессору пришлось выбирать между Ковлягиным и Рыбаковым, он не задумываясь, предпочел бы последнего. Но экзамена Алексей всегда получал потерки, выступал ойлочно, держался скромно. Выходил в директорской машине, в которой из «Новинки» в Горький едут управляющий ухозом аспирант сельхозинститута Миша Титов, профессор Максимович, сам Ладмыгин и его заместитель профессор Фатьянов, начинается короткое «совещание».

СОВЕЩАНИЕ В «ПОБЕДЕ»

Николай Дмитриевич Ладмыгин не любит длинных заседаний. Он предпочитает решать вопросы «в рабочем порядке». Вот и сейчас в директорской машине, в которой из «Новинки» в Горький едут управляющий ухозом аспирант сельхозинститута Миша Титов, профессор Максимович, сам Ладмыгин и его заместитель профессор Фатьянов, начинается короткое «совещание».

Едва успев закончить доверу, Титов произносит:

— Николай Дмитриевич! Как вы думаете, не урезать ли нам студенческие заработки? Такие деньги получают! Правильно ли это с точки зрения воспитания?

Управляющего давеча уже беспокоит, что многие студенты за-

Отличница учебы Люся Пермякова научилась неплохо владеть пастушьим жутом...

работают за лето по три — четыре тысячи рублей. Никто не ожидает такого урожая, и студентам пообещали за своевременную уборку отдать 25 процентов сверхпланового зерна и картофеля. Осенью же оказалось, что урожай в «Новинках» в полтора — два раза выше, чем в соседних колхозах.

Ладмыгин оборачивается:

— Миша, дорогой, вчера была у нас делегация Ленинградского сельхозинститута, и гости нам говорили: студент должен работать бесплатно, почему мы не воспользуемся в студентах чувством альтруизма? А мы им возразили: ваше пригородное хозяйство, где производится практику бескорыстные студенты, требуют 900 тысяч рублей дотации. Разве можно воспользоваться альтруизмом, сидя на шее у государства? А наши студенты лави за год на 10 миллионов рублей продукции. — Директор достает из кармана блокнот:

— И еще... Давайте обдумаем такой проект. Что, если отдать часть земли в «Новинках» нашим профессорам? Пусть ставят опыты не на грядах, а на широких массивах. И премияльные установим.

«Победа» бежит по широкому Арзамасскому шоссе. По сторо-

нам танутся бескрайние институтские поля. Мелькают дома. Это деревня Шеринки, где начато строительство нового институтского здания. Оно будет стоять по среди ферм.

Поздравляют уже пригороды Горького. А «совещание» в «Победе» все продолжается...

...

Одна за другой прибывают в Горьковский сельскохозяйственный институт делегации ученых и студентов из Казани, Умани, Ленинграда, Вологды, Москвы... Первый раз казанцы приезжали около года назад. Тогда они еще не верили в «Новинки» и не слишком торопились перенять опыт горьковчан. Теперь другое дело: урожай говорит сам за себя. А разве не интересен новый проект — об увеличении учебного хозяйства до 10 тысяч гектаров и о создании студенческих комплексных бригад? Учебная база института скоро станет гигантским образцовым хозяйством.

«Новинки» занимали полтора года тому назад.

«Новинкам» принадлежит будущее.

В. СМЕРНОВ

г. Горький.

фото автора.

НАША БИЛКА ФАКТОРИЯХ

Окончание. Начало см. в № 21.

ХОЗЯЕВА ТАЕЖНЫХ БОГАТСТВ

Шустрая белочка, оцетившийся плаванки-ми охун, оленья голова с ветвистыми рогами, черно-бурая лиса в нарядной шубке. А рядом шифры. Сверху надписи: «За что борются колхозы нашего района в 1958 году». Этот шит установлен в центре Ванавары, недалеко от строящегося клуба. Посмотрев на шит, вы сразу поймете, чем занимаются жители Тунгуско-Чуевского района: охотой, рыболовством, оленеводством и звероловством.

Из поколения в поколение занимаются пушным промыслом зверки, замечательные следопыты и охотники. Легко читают они великую книгу природы и без компаса, по солнцу, звездам и каким-то своим приметам ориентируются в тайге. Зверя промывают стар и млад, женщины и мужчины, и когда хотят сказать о человеке хорошо, говорят: «Настоящий охотник».

Давно прошло то время, когда хищники унитожались колоссальные охотничьи богатства этого края. Сбылась мечта старого Конора Джанкоула: зверки стали хозяевами тайги.

Ежегодно Эвенкия дает стране на миллионы рублей «мягкого золота». Охотники добывают драгоценного соболя, белку, горностая, выдру, колонок, росомуху, рысь, заяц-беляка. Часто полавает под выстрел и властитель тайги — медведь «камка».

Тайга... Слово застывший после бури озеан, раскинувшая она на гигантском пространстве вокруг трех Тунгусок: Агтары, Подкаменной и Нижней. Редеет фактория, нет пока ни железных, ни шоссевых дорог — раздолье тут зверю и птице.

Как только осень позолотит березы и по утрум трава начнет покрываться инеем, охотники уходят на промысел. За двести — триста километров от факторий расположены их базы. Кругом глухомань, снега и зимнее безмолвие. Сурина, но романтичная жизнь таежников. Среди них нет слабых и князей. Потому что такой не сумеет развести огонь и не дойдет до костра, разложенного другим...

К сожалению, мне не удалось повидать вожака комсомольцев колхоза имени Сталина Владимира Шонбина: до фактории Муртовой надо добираться по таежным тропам несколько дней. О делах молодежи этой переловой артели рассказал мне секретарь Тунгуско-Чуевского райкома комсомола Саша Мочалов.

«Если бы вы и попали в Муртову», — сказал он, — «вряд ли встретились бы с охотниками. Все они сейчас в тайге: рыбачат и готовятся к зимнему промыслу».

«В чем же заключается эта подготовка? — удивился я. — Ведь до морозов еще далеко и удальцы и...» — Это вам, приезжому, так кажется, — засмеялся Саша. — Для того, чтобы промысел

был успешным, а охотничий бы устроением, надо готовиться к зиме заблаговременно и походить на это немало сил».

Мочалов достал из кармана записную книжку и, подставив ее, продолжал:

«Протынув летом комсомольцы Муртова построили несколько охотничьих избушек, десять амбарчиков, сто вывесок ловушек на соболя, белку и другого зверя. А кроме того, расчистили в тайге около семидесяти километров охотничьих троп. Все это и помогло им зимой сдержать свое обещание, выехать к XIII съезду комсомола: план добычи пушного они выполнили почти на сто пятьдесят процентов... Славится этот колхоз и своей зверофермой, на которой работают около комсомольцев».

Со всех сторон Муртовой окружает тайга; около тысячи километров отделяет факторию от железной дороги, сотни километров — от ближайшего населенного пункта. Но не изнорещ Муртовой меланхолическим утлом. Молодежь фактории отчаянно трудится, успешно учится, весело отдыхает, участвует в художественной самодеятельности.

Разговор коснулся культурного обслуживания бригад, работающих зимой в тайге.

«Мы боремся сейчас за то», — сказал Мочалов, — «чтобы на каждой охотничьей базе имелась своя библиотека, радио... Большую и трудную работу ведут комсомольцы-агитаторы. От зверя к зверю доставляют они в самые отдаленные уголки тайги газеты, журналы, книги».

«...Студеной февральской ночью выехали на уездгах из фактории Куомбо Костя Куваченок и Ельда Коцев. Им предстоял далекий путь — на зимнюю базу Куомбола. К полудню мороз устал, но глухо шумевший в кедровнике ветер гнал над самой тайгой хмурые, дохматые тучи: надвигалась пурга. Можно было вернуться на факторию, но товарищи, промышленные соблавы с нетерпением ждали их. Куваченок, сам один из лучших охотников артели, уже сдавший на несколько тысяч рублей пушного, знал, как приятно, впряг на базу, прочитать свежие газеты, узнать последние новости».

«Не будем возвращаться», — решили агитаторы. — Если прижмет пурга, пересидим непогоду. И друзья продолжали попутать оленей. Но ветер кричал, а вскоре большими хлопьями пошел снег, и все закружилось в белом холодном выхре».

«Однако переждать надо», — сказал Куваченок.

Охотники спешили, строжили оленей. Нарубили жердей, лавника и довольно уютно устроились под корнями старой, вывороченной бурей лиственницы».

Но и в утру пурга не стихла. Еще три дня и три ночи бушевала снежная буря. А потом

1 Утруг — переловой олень.

сразу ударил такой мороз, что по тайге пошла перестрелка: ступившие легким холодом, оглушительно трещали деревья».

Пока друзья пережидали непогоду, кончили продукты, взятые на дорогу».

«Что будем делать? — спросил Ельда».

«Пойдем дальше», — сказал Куваченок. — И так много времени потеряли... Разве не обещал в тайге рыбачить? Только страшился, а обещан сам упадет тебе на дорогу».

И слова, и зорька оставаясь, чтобы переждать агелем оленей, комсомольцы шли по тайге. Но «обещал» не пала на «дорогу» после пурги, казалось, вымерла тайга. Подтянули юности поева, два дня совсем ничего не ели, а на третий Ельда подстрелила белку. Шкуря на третий день, а тушку зверья поджарили. Горькое мясо у белки, не едят его охотники, а тут оказалось вдруг самым вкусным».

Вскоре утруг прибавил ходу: видно, поучили умные животные жизнь... Через девять дней после того, как покинула комсомольцы факторию, добрался они до базы Куомбола, доставив охотникам почту, газеты и журналы».

ХОРОШАЯ РАСТЕТ СЕМЕНА

Когда плыли мы вверх по Подкаменной, моем спутникам, красноярским художникам Николаю Сальникову и Василию Вивинягину, было трудно запечатлеть ее пригнудные берега. «Кызыл» шел довольно быстро, река петляла, и очертания каменных «столбов» все время менялись. Это доставляло художникам немало огорчений. Зато во время стоянок друзья работали без помех, стараясь сделать как можно больше этюдов».

По рекомендации Мочалова художник Вивинягин решил написать портрет молодой учительницы, комсомолки Ани Давыдовой. Несколько лет назад она окончила педагогический институт в Уфе, некоторое время работала в Банкирии».

«А потом захотелось на север», — говорит Аня. — «Вот так попала в Ванавару. Сначала невозможно было привыкнуть: болясь дымом морозной зимы... Незаметно пролетел год. Теперь я так люблю этот край, что нигуда отсюда не уеду».

Несколько раз менялись на «Кызыл» лодчане. И каждый из них поднимался на палубу судна со своими «картинами».

Давыдова преподает математику в старших классах. С увеличением и гордыню рассказывает она о своей школе. Чувствовалось, что Ане хотелось поведать как можно больше. И ее рассказом отчетливо вставала интересная жизнь педагогов и учащихся Ванавары, которая, вероятно, мало чем отличается от жизни школ крупных городов.

С ванаварскими школьниками мы встретились в фактории Оскоба. Во главе со старшей пионерожатой Тамарой Петровной Стуровой они приехали сюда на экскурсию, а вечером выступали с концертом самодеятельности.

Позабыл Ане Давыдовой, Стурова и ее муж — директор Ванаварской средней школы — приехали в Эвенкию издалека. Тамара Петровна — с Волги, из Марийской АССР, Константин Васильевич — из Майкопа после окончания пединститута. В Ванаваре они живут уже десять лет и считают себя коренными сибиряками.

— Серьезные, трудолюбивые у нас ребята, — говорит Стурова. — Летом они разрыхляют пасти по факториям, помогают родителям пасти оленьи стада, вырывать на фермах чер-бу-ры лес. Есть ученики, которые успешно занимаются пухлым промыслом, например, восьмиклассник Вадим Поджаренко. После окончания школы он собирается поступить в Иркутский пушной техникум. Член комитета комсомола отличница Маша Конора хочет стать врачом, Зина Шильякина — механизатором... Хорошая растет смена старшему поколению эвенкиев! Нынешние школьники тоже станут искусными охотниками, оленеводами, звероведами, но насколько культурнее, образованнее своих отцов и дедов будут они!

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

В конце мая в тайге начинается бурное таяние снега. Тысячами звонких потоков скатывается талая вода в реки. Они набухают, выходят из берегов, валит и уносит с собой вековые кедры и лиственницы. Это идет «снежинка» — первый приступ весеннего половодья. Часть вешней влаги впитывается почвой, собирается под ней в болотные ручьи, бежит по подземным коридорам, в пустотах между горными породами, а потом, выйдя отдушиной, выбивается наружу и тоже валится в реки, поднимая их уровень.

«Коренная пошла», — говорят речники. Это значит, что скоро спадет вода, обжигается шиверы и перекаты, сузится фарватер в порогах, закроются суловые холмы, которыми можно пользоваться в половодье. Поэтому, как ни жаль было покидать Ванавару, приходилось спешить в обратный путь.

Снова замелькали берега Подкаменной, то скалистые, то таяжные. Стали они еще живописнее: в тайгу пришла наконец весна. Теперь и березки и лиственницы покрывают летним нарядом. Правда, до сих пор еще местами

белел снег и шумными потоками стекала в Подкаменную таялая вода, но дни вступили теплые и солнечные, и мы почти не уходили с плу́бы.

«Освобожденный от груза «Кызыл» быстро скользя вниз по течению. Где-то впереди над тайгой поднималась синяя ступица дыма.

— Если рыбачь, — сказал капитан, — будем приставать. Надо пополнить запасы продуктов.

Вскоре на берегу отчетливо стали видны палатка, бочки, а рядом две сибирские ямки. Когда мы пристали и спустились по траву на берег, лайки встретили нас огульными мотками: людей в палатке не было, и собаки добросовестно выполняли свои обязанности.

Спустя некоторое время услышали мы постукивание мотора, а затем из-за поворота реки берег, лайки встретили нас двумя мужчинами и совсем еще юная девушка.

— Эге, да это мой братан Виктор вместе с младшей сестренкой рыбачат! — радостно закричал наш лодочник Юрий Белов и поспешил навстречу лодке.

Через несколько минут у кистра завязалась оживленная беседа. С бочки был поднят деревянный круг, приваленный двумя буйкиниками, и в вода корабельного артельщика полетели полуметровые сити, таймен, шкуи.

Аня — так звали девушку — в пиджачке и брожах, запроваленных в сапоги, выглядела мальчишеской.

— Как, вращает здесь? — спросил я ее.

— Нет... Еще неделю порыбачу, домой еду.

— Что так?

— Надоело. Уж рыбы этой хватает...

— А тайга, воздух какой!

— Тайга да воздух у нас кругом, — засмеялась Аня.

Наш разговор прервал яростный собачий лай. Загря — шумительный пес оверь своего ванда — до отката натянул ремешок, которым был привязан к леске, и хрипя и захлебываясь, тащивал на задних лапах. Ему звонко вторила другая лайка.

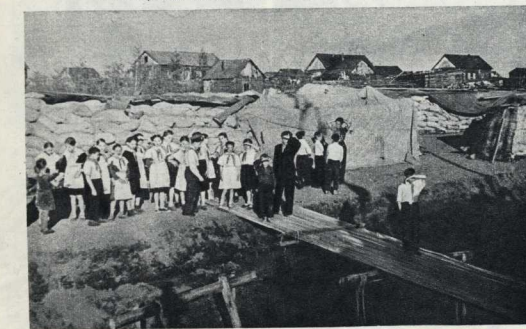
— Опять ходит, — сказала Аня.

— Кто? — обернулся к ней Мурыгин.

— Известно кто — «хозяин». Каждый день навещает. Иной раз ночью проснешься и слышишь, как он трещит валежником. — И, лукаво прищурившись, Аня добавила: — Да вот Виктор с ним лично знаком. Бываа встретил его, похлопал по плечу да и отпустил.

— Было дело, — смущенно почесал затылок Виктор. — Пол вечер, только сит поставили, гляжу: что-то темное плывет. Надо, думаю, посмотреть. Подгребая, а это медведь. Батшка лобастая, здоровый, черт! И стрелять нельзя: утонет. Он к берегу жмет, я — за ним. Когда остался метров двадцать, ударил я... Хотя гала верный, на этот раз сплывало: мошка пошла в нос, и в самый этот момент расчихался я. Выстрелил еще раз, а он уже дню наущал. Как рюхает и — ходу! Только треск в тайге пошел...

С ванаварскими школьниками мы встретились в фактории Оскоба.

В конце мая в тайге начинается бурное таяние снега. Тысячами звонких потоков скатывается талая вода в реки.

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Новый день принес новые встречи. Когда мы пришли в Вайкуит, у его привала стояло несколько судов. У мостика одного из них Мурыгина и «Петровича» приветствовал рослый загорелый речник атлетического сложения.

Год назад Вениамин Соловьев плывал на «Кызыл» в штормом. Это он тогда на Большом пороге первым кинулся к тросу, когда стремительное течение Енисея вырвало его из рук знаменитого лодочника Кеши Почегурова... Сейчас Вениамин служит первым штурманом на тысячетонном теплоходе «Красноярск».

Пока мы вспоминали с Соловьевым прошлогоднее путешествие в Туру, на плу́бу «Кызыл» поднялся еще один молодой речник. Его лицо было тоже хорошо знакомо.

— Пелевин? — спросил я, протягивая руку.

— Так точно! — отразортовал он.

Комсомолец Геннадий Пелевин окончил в прошлом году речной техникум и проходил на «Кызыле» практику матросом, а теперь служит третьим штурманом на теплоходе «Новосибирск».

Веселой была встреча Соловьева и Пелевина с экипажем судна. Речники, так же как и моряки, любят острое словцо. Долго не умолкали на плу́бе шуточки...

Может быть, дружные взрывы смеха и заставили подняться на мостик сухопутного седого речника в защитном плаще. С невольным волнением вслушиваясь я в его по-военному лаконичную речь, наблюдал за скупыми, энергичными движениями: ведь это живая легенда Енисейского флота — капитан-наставник Константин Александрович Мещай.

Десять лет пришел он юнгой на крейсер, потом с ватагами бесстрашных поморов промышлял на парусниках нерпу в Белом и Баренцевом морях. Под командованием Георгия Седова служил матросом на шхуне «С.В. Фока», вместе с Седовым принимал участие в беспрецедентном походе на Северный полюс. В годы первой мировой войны, когда у берегов Таймыра льды затеряли суда гидрографической экспедиции Вильгельма «Таймер» и «Вайгач»,

Мецай возглавил организацию им помощи. После Октябрьской революции он участвовал в первых экспедициях Главсевморпути, водил речные караваны из Енисея через Карское море в устье Песныи и вверх по этой реке, проводя перемы суда по рекам Пигту и Вельмо. Итогом его многолетней неутомимой деятельности явился капитальный труд большого народнохозяйственного значения — лоция Енисея, которая лежит сейчас в рубке каждого судна, курсирующего по этой реке. И сейчас, как только открывается навигация, Константин Александрович спешит на Подкаменную и, пока держится на ней большая вода, руководит здесь движением судов. Около семидесяти лет Мецайку. Много пришлось пережить ему в жизни, не раз смотрел он смерти в глаза, но с прежней неутомимостью старый речник продолжает служить любимому делу.

«Кызыл» не задерживался в Байжете, и через два дня впереди заблестела гавань Енисея. До самого Красноярска провожал нас приятный аромат черемухи, кильевы которой были окутаны берега и острова великой реки.

Три недели длился рейс Красноярск — Ванавара — Красноярск протажением свыше четырех тысяч километров.

Вернувшись из Эвенкии, «Кызыл» тут же ушел в Минусинск. Но долго еще вспоминали на судне причудливые «башни» и «столабы» Подкаменной...

БУДУЩЕ ЭВЕНКИИ

Известный полярный путешественник Фритц Хоффманс назвал когда-то Сибирь «страной будущего». Но нынешняя Сибирь уже во многом страна не будущего, а настоящего. Строительство гигантских электростанций на Енисее и Ангаре, ввод в строй огромных железных рудников и угольных разработок, сооружение крупнейших заводов преобразили лицо Сибири. Но освоение всех ее уголков еще впереди.

Одним из таких «уголков» и является Эвенкийский национальный округ, занимающий площадь в 740,5 тысячи квадратных километров, на территории которого могли бы уместиться многие европейские государства.

Неисчерпаемы запасы полезных ископаемых Эвенкии. Недра ее хранят железо, каменный уголь, графит, горючие сланцы, алмазы, строительные материалы, поваренную соль. Одного каменного угля в Эвенкии в три раза больше, чем в бассейнах Германии, и в четыре раза больше, чем в бассейнах Англии. Подкаменная и Нижняя Тунгуска — реки, обладающие большой гидроэнергетической мощностью. Велики лесные и пушные сокровища этого сказочного края, но мало пока еще живет там людей, пустыни берега его рек, его таежные массивы.

Четыре года назад в Москве, в одной из аудиторий Академии общественных наук, эвонец Василий Николаевич Увачин (ныне возглавляющий кафедру в Красноярском лесотехническом институте) защищала диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Темой своего исследования он избрал «Социалистический путь развития народов советского Крайнего Севера». Ответив на вопросы оппонентов, Увачин сказал:

— Ранее упрекаемый, но авенский своей пылкостью народ за годы Советской власти совершил скачок от патриархально-родового строя к социализму. Но это только начало будущего расцвета моей страны. Приезжайте в Эвенкию через десяток лет, и вы увидите, какие там совершаются перемены!

Да, все это будет! Вырастут в Эвенкии заводы и рудники, на много километров протянутся в тайге железные и шоссейные дороги. Пойдут по Подкаменной пассажирские теплоходы. И тогда многие советские люди смогут полюбоваться природой этого края. Сбудется слова смелого ученого-патриота Леонида Алексеевича Куляка, который, спустившись на лодке по Подкаменной от Ванавары до Енисея, записал в блокноте: «Эта поездка была сплошной позвией, и я уверен, что наступит время, когда спортивные прогулки туда станут такими же излюбленными, как и на «Столабы»...».

Эвенкийский национальный округ.

ХЛЕБ МЕЦАЙКУ

Дария дружка связывает студенческой Москвы и Каунаса. И вот они встретились на целине! Гости-коллега-хлеб-солы!

НА ФОТОКОНОУРС
Фоточерк В. Васильева.

Для зерна нужно хорошее хранение...

Каунас — Москва. Счет 0:3.

Картошку для общественной нужды!

...Антонова. Сема утра.
«Подъем!» — раздаётся команда дежурного. Из палаток высыпано студентов Второго московского медицинского института имени Пирогова. Целинный день начинается...

Весь ритм жизни здесь наполористый. Молоды, пошла хлеб, и свободного времени у студентов почти не стало. К элеватору непрерывным потоком идут машины. Надо сыпать зерно в силосы, сырое пропустить через сушилки, тридцать пять тонн зерна сгрузить в день с машины — это норма, а переволонили ее москвичи вдвое. Питасот — шестисот машин проходило в сутки через элеватор.

В труде познавались люди, проверялись дружба. Бывало и так, что лоназной институтский «форс», блеск «ружачи-парни» сходили под целинным дождем. Оставалась «середка» человека. Хорошая она — значит, «свой»; фальшивая, пустая — такого исключали из бригад.

**НЕ МОЖЕШЬ — ПОМОЖЕМ
НЕ ЗНАЕШЬ — НАУЧИМ
НЕ ХОЧЕШЬ — ЗАСТАВИМ**

такие были заповеди у студентов-целинников...

Наваром студенты института получили за работу на жатве немало благодарностей, грамот, значков целинников. Отряд пиროговцев был удостоен высшей целинной награды: ему вручили знамя ЦК комсомола.

И долго еще будут вспоминать студенты горячие дни жатвы, споры у костра, радость трудовых целинных дорог.

Разве забудет когда-нибудь Гали Минасова свои целинные именные! Ребята торжественно подарили нектитра подарком кто кинигу, кто игрушечную белку, которые пробыли тут же в местном салычате.

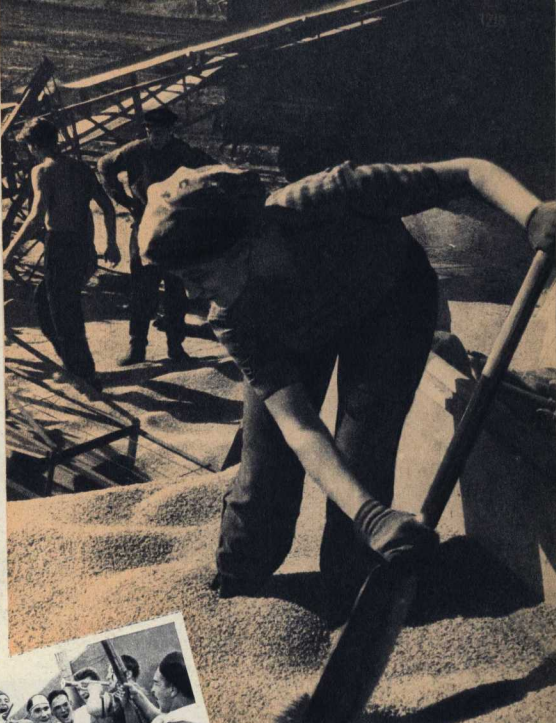
Не забыть, как варили кофе на всю палатку — в ведре. Или по утрам суп вместо привычного чая. Сметно и вкусно!

...Однажды в Иончетаве стрислась беда. Срочно потребовалась кровь первой группы. И в лагере пиროговцев тут же нашлись добровольные доноры. И не один, а десяткий! Красивы казахстанские вечера. Долго полыхают закаты, потом в черной бархат одевается степь. И звезды как будто спускаются послушать целинную песню. У Серехи Агеева в Москва любимая. Они попенкились доного год назад... Второй уж день идет Сергей письма. И плывут в степь минорные мелодии его аккордована...

...Целина. Поля до самого горизонта. Хлеб в закромах, полные до краев амбары. Дальние дороги, встречи, вечера у костров.

Студенты знают теперь, что такое хлеб и труд хлебороба, они видели великую Целину и ее героев.

Кавказские ССР.

Разважись рана, разуднись плечо!.. На «счету» Галины Назаровой не одна тонна сгруженного целинного зерна.

Торжество победителей... Приемники за лучшую палатку в лагере! Но были и такие «призавры», которым вручали «комсомольскую метлу».

Салогн томе не вечны...

После рабочего дня Олег Горюнов (слева) и Валерий Митутин на берегу озера.

В. Полтавец,
г. Киев.

Возвращение с разведки.

Н. Абдурахманов,
г. Ваку.

Всесоюзная
художественная
выставка

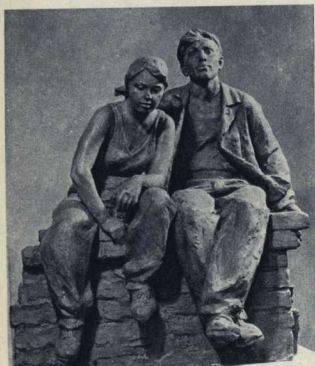
«40 лет
ВЛКСМ»

И. Бевзенко. Первый комсомольский прокат.
г. Киев.

Утро на зялаге.

Е. Николаев.
г. Ленинград

Романтики.

Ч. Авангельдыев.
г. Ашхабад

Чабан.

Г. Песис.
г. Ленинград

Вдоль деревни.

Л. Тукачев.
г. Москва.

Яхты.

Уральские АЛМАЗЫ

НА ФОТОКОНКУРС

Фотомен И. Шилко.

С участка на участок, по Коячиму...

Идет совещание геологов...

← Мастер-комсомолка Зинаида Пономарева возглавляет один из участков, где добываются алмазы.

Здесь добываются вишерские алмазы.

1948 год... Найдены первые алмазы в районе Нижней Тунгуски. 1954 год... Открыта алмазосодержащая кимберлитовая трубка «Барница».

1953 год... Бесценная победа геологов! В Якутии открыта трубка Мирная, где изобилие алмазов намного богаче, чем на так называемом всемирном алмазном синдикате в Африке.

Не манула в историю и находка ископаемых Павла Попова. Много садов испробовали геологи в поисках уральских алмазов. И не зря, нашлись!

...В северном Приуралье есть речка Вишера — своеобразная, непривычная. То она вытекает свои прозрачные, как слеза, воды спокойно и величаво, словно любуясь собой, то бешует и пенится. Вишера берет свое начало среди гор. В 1951 го-

Лаборантка Нина Зыринова пришла на обогащающую фабрику из таежной деревни Романихи. Работает Нина на совесть, добротой!

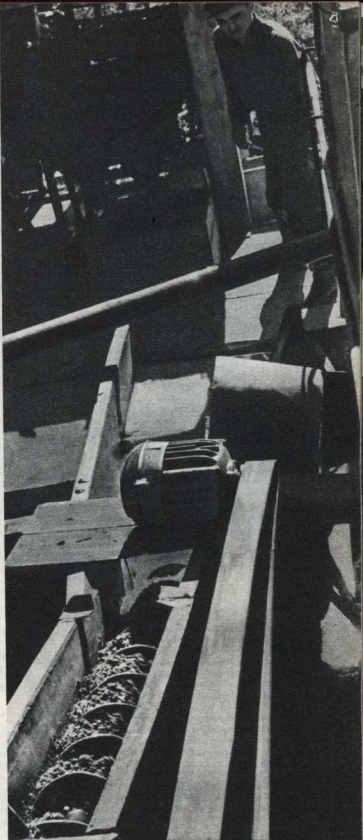
Так выглядит поселок алмазников Новый Колчим.

...Западнее Приуралья. Тайга. Еле заметная тропинка круто поднимается вверх. Потоки остались по левую сторону пути до поселка Новый Колчим. Не переставая, дил дождя. Молния искривилась небо. Глина, желтым хвостом сапоги. И шол и думал о людях, которые прокладывают эти тропы и ходят по ним часто и много, — о геологах, нашедших в этих местах алмазы...

Алмаз! Он необходим при бурении скважин, в точном машиностроении и во многих других отраслях промышленности. Странно утратила природа от людей алмазные кладки. Никуда их далеко, а находят не везде и редко. Алмазные россыли открыты в Африке, Австралии, Индии, Бразилии и России.

Первый русский алмаз был найден больше ста лет назад. Тогда удача выпала на долю четырнадцатилетнего геолога-любителя Павла Попова в долине приуральской речки Подлужной. Но что это случайный находка приуральцев?

Долгие годы вопрос, есть ли в нашей стране россыли алмазов, годовые для промышленной разработки, оставался нерешенным. Ответили на него советские геологи...

Идет промывка. Вода выбрасывает породу, алмазы остаются...

ду здесь, в верховьях был найден первый вишерский алмаз. Сейчас на Вишере вместе с поисковыми работами ведется промышленная добыча алмазов, которые обладают замечательными ювелирными качествами.

Недалеко от тех мест, где в Вишеру впадают Колчим, расположены алмазные обогащательные фабрики. Достойно молодецких бригад работают тут. С уважением говорят вишерские алмазники о мастере Зинаиде Пономаревой, завоищице Николае Волковском и Василии Россомове.

Тысячелетия скрывала свои богатства Подвод-гора, каменный богатырь, о которой сложены легенды. Пришел в эти места геолог и вскрыл Подводную кладку. Советские люди воплотили эту кладку природы в другие ценности, о которых ни в легендах, ни в сказках до сего времени и не слышали.

Моросил осенний дождь. Мы возвращались в бараки из карьера, куда гитлеровцы ежедневно гоняли нас на работу. Медленно двигалась колонна узников в шестом человеке под охраной конвоя и омарков. Сегодня дорога была особенно изнурительной. Мы то и дело спотыкались и падали в воронки от бомб, заполненные грязной водой. Обойти их было нельзя: собаки и конвоиры не давали ступить в сторону и шагу.

Несмотря на дождь, у ворот лагеря собралась зевака. Среди них были и дети из семей охранников. В нас летели камни, изредка куски хлеба.

В небе послышался гул самолетов. Он становился все ближе.

— Шенлер! Быстро! — зорили конвоиры.

— Американские, — сказал я своему товарищу, шагавшему рядом, когда показалась группа бомбардировщиков.

— Их все равно, кого бомбить, могут даже по колонне пленных для счета, — ответил он.

Где-то позади колонны грохнула бомба, за ней вторая, третья... — Ауфлеген! Ложись!.. Капут! — кричали немецкие солдаты.

Снова свист бомб, затем грохот противника. Когда наступила тишина, мы неожиданно услышали неподалеку надтреснутый детский плач. Я приподнялся. Фашистские солдаты зарылись в грязь, а метрах в тридцати от них бежал ребенок.

Вдруг из нашей колонны поднялись один и ранулся к мальчишке. «Куда! Застрелят!» — крикнул

кто-то, но он, казалось, не слышал. Прошла минута. Неожиданно рядом я ощутил чье-то тяжелое дыхание.

Это был он, мой сосед по шенлеру. Обитая белокурого немецкого мальчика лет пяти — шести, товарищ прижался вместе с ним к земле.

— Трусливые звери! — говорил он с гневом, живая на фашистских солдат. — У них под носом гибнет ребенок, а они спокойно лежат, мерзавцы!

Наконец налет кончился. Медленно поднимались люди из воды и грязи. Мой сосед шел, пошатываясь, как пьяный. Мальчик что-то бормотал по-немецки, указывая вверх.

Чай это ребенок, ничто не знал. Фашисты скалили зубы, кричали: «Баршо, русь!»

Колонна остановилась. Пленных стали парами пропускать в зону лагеря.

— Стой! Откуда мальчик? — спросил старший охранник.

Стоявший рядом командант лагеря, услышав эти слова, обернулся. Глаза его округлились.

— Ганс! — закричал он, протягивая руки к ребенку. — Почему мой сын здесь! В грязи! Отку-

да! — орал по-немецки и по-русски командант.

Конвоиры наперебой стали ему рассказывать о случившемся.

— Ой Русь. Молодец! — осклаившись, сказал командант. — Не боялся конной и яного бомб. Я тебя хорошо буду кормить. Вот, возьми подарок! — Быстрым движением фашист снял золотые часы и сунул военнопленному в руку. — За ребенка, ты спас! — улыбался командант, показывая гнилые зубы.

Вдруг рука военнопленного взметнулась вверх. Ударившись о камин, часы брызнули в стороны желтыми осколками.

— Жри сам, скотина! Не оцепенеешь. Камнозные направили на пленных автоматы. Все ждали: что-то будет!

С минуты командант ошалело глядел на решительную фигуру заключенного. Затем потянулся к кобуре.

— Фатер! — закричала мальчик, хватая за рукав отца.

Оцеперившись, командант закрыл кобурку, затем направился к машине.

Прошел месяц тяжелой и тревожной лагерной жизни. За это время я не раз встречал своего

нового знакомого. Он ходил по лагерю, строгий, независимый, как будто и не был узником. «Подождите, скоро придет вам копейка», — смело говорил он охранникам.

Гитлеровцы ругались, но, удивленно вскак, не трогали его. Глубокой осенью я заболел. Лагерные врачи признали тиф и поместили меня в изолятор, а после выздоровления собирались отправить в Освенцим — лагерь смерти, откуда трудно было выбраться живым. Товарищи тайком пробирались ко мне, радовали новостями. Сообщили о наступлении советских войск по всему фронту, с тем, что удалось наладить связь с местными антифашистами. Здесь узнал я и о победе...

Утром в лагере объявили тревогу: ночью бежало тридцать пять заключенных.

Но недолго радовались мы за друзей.

На второй день некоторых из бежавших поймали. Среди пойманных оказался и тот, которого командант пытался наградить часами. Он числился в лагере под № 546. Перед строем заключенных командант застрелил двух товарищей.

— А это — номер 546, русская свинья, заминчик побеге, который бросил часы, — будет другой копейка, — заявил командант.

Фашисты приковали пленного за левую руку к столбу, а рядом положили на ящик хлеб, колбасу, поставили бутылку воды.

— Пусть рус видет свобода! — орал командант. — Пусть кушает двенадцать дней, а после повешат!

Русский солдат стоял, высоко подняв голову, не притрагиваясь к пище. Иногда к столбу прибегали мальчишки. Молча смотрели они на гордого человека, который грустно улыбался белокурому Гансу.

Прошло четыре дня. И снова в лагере объявили тревогу: военнопленный, которого приковали к столбу бежал. Фашисты метались по лагерю, то и дело возвращались к столбу, кричали, спорили, ругались. Приехал командант. Подошел к столбу, выгарастил глаза и попытлся зазуд: на цепи висела окровавленная кисть руки.

Вдруг фашист втянул голову в плечи: он увидел у столба хорошо знакомого ему топор, обычно лежавший в доме команданта на кухне.

— Майн кинд! — прошипел он. Поднял топор и, спотыкаясь, побегал к машине.

Эту бы рассказал мой земляк Николай Аленович Рыка, проживающий в городе Камышенка Ростовской области. В 1944 году, тяжело раненный в бою, он попал в плен и был отправлен в лагерь Бухаривальд. Там и встретил заключенный № 546, свой подруга. Однако имени и фамилии его Рыка не помнит.

Возможно, эту бы прочтет сам герой рассказа или кто-либо из его сверстников, доживший до старости. Надеемся, что они найдут в редакции и помогут установить подлинное имя этого мужественного советского человека.

А. ПРОСОЛОВ

г. Камышенка, Ростовской области.

Узник № 546

Быль

ОБСУЖДАЕМ СТАТЬЮ «КАКОЕ ОНО, ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ?»

ЭТО НАША СОВЕТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С интересным вопросом обратился М. Коваленко в редакцию журнала «Смена». Что такое счастье? Где путь к нему?

Счастье — состояние радости от победы жизни, от удовлетворения жизнью — понятие общественное, классовое. Каждая эпоха и каждый общественный класс создавали свое понятие о счастье. В капиталистическом обществе эксплуататоры строит свое счастье на несчастье миллионов трудящихся. Они обрекают народ на непосильный, каторжный труд во имя увеличения своих прибылей. Трудящиеся постоянно находятся под угрозой безработицы, разорения, нищеты. Капитализм не может дать им счастья.

Церковники и буржуазные философы проповедуют веру в судьбу, рок. Они утверждают, что жизненный путь каждого человека, каждого народа заранее предопределен богом.

Эта реакционная проповедь обречает людей на пассивность и безделье. Опираясь на законы развития общества, законы классовой борьбы, марксисты доказали, что человек не бесцелен перед этими законами, что счастье народа завоевывается в борьбе, в упорном труде.

Борьба за народное счастье посвящена всей деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Социалистический строй приносит трудящимся радость, благополучие, дает ощущение полноты жизни, открывает простор для творческого развития личности. Когда тракторист из бригады Героя Социалистического Труда Паши Ангелиной спросила, что бы они делали, если бы не было колхозного строя, то одна из них ответила, что жизнь была бы «пропащей».

«Мы всю жизнь думала о том, что же такое счастье. Теперь я знаю: счастье — это был бесстрашный бой за нашу страну — так прошла в своем пленении перед уходом на фронт замечательная советская девушка Зоя Космодемьянская.

Говоря о великом общественном счастье мы не оцениваем личное счастье каждого человека.

У нас есть среди молодежи люди, которые личное счастье понимают по-бывальтски, по-ещишански. Для них счастье — это «годное местечко», уютная квартира в большом городе, безмятежное существование, без труда, без мыслей, «стальная» одежда. Такие люди стремятся только к личному благополучию, к материальным целям. Они бегут от трудностей, ищут легкую работу.

Всякий, кто хочет построить свое личное счастье, говорит

Нет такого человека, который не стремился бы к счастью. Думи и мечты о счастье, жарине сердца о том, каким оно должно быть, как его добиться, особенно свойственны молодому поколению жизни. Вот почему статья В. Егорова «Какое оно, личное счастье», опубликованная в № 14 «Смены», вызвала многочисленные отклики читателей журнала. Вспоминая, с глубоким сознанием своего гражданского долга перед Родиной молодые рабочие, инженеры, студенты, военнослужащие, педагоги рассказывают о том, как они познают личное счастье.

«Счастье в самом деле, в любви к труду, в труде сделав и давая человеку... Счастье. Мой девиз тако: «Трудись и не ленись» — гласит М. Зародкович из Сталинграда — «на нашей ТЭЦ, где я работаю, и в совхозе, где я работаю по работе. Я тоже учусь заочно. Мне очень трудно, часто болею, даю звать, длительный перерыв в учебе после окончания школы... Счастье... Счастье светского человека — это счастье Родины, а счастье Родины — это счастье народа нашей страны».

Студентка Астраханского технического института рыбной промышленности и хозяйства Э. Соболева пишет: «С юных лет мы воспитаны так, что не можем представить себе счастья в стране от обихаи дед нашего народа. Если ты поехал на уборку урожая в район или на заводы Сибири, Донбасса — разве это не счастье? Конечно, счастье, — это всего лишь начало».

В Советском государстве личное счастье человека неразрывно связано с его участием в строительстве коммунизма. Об этом пишет в редакцию журнал Г. Сидирюлов из г. Орджоникидзе, элентросварщик Д. Добровольский, Тульской области, военнослужащий В. Власов, В. Заминюрович, рабочий районной газеты И. Жуков из с. Старый Лесной Кабардино-Балкарской АССР, инженер И. Яковлев Горного, учитель Ю. Фокин из

Западно-Казахстанской области, заведующая библиотекой К. Германюкова из с. Бороздинки, Курганской области, зооинженер П. Кашиш из г. Саранска, парикмахер и многие другие читатели «Смены».

Старый комсомолец, член КПСС с 1930 года Л. И. Черненко из г. Подольска Московской области вспоминает: «В 1932 году я встретился с первыми комсомольцами, пославшими добровольно, по призыву Глав ЦВВСИМ, из Москвы, Ленинграда, Харькова на строительство Комсомольска-на-Амуре. Все они знали, что едут в глухую тайгу. Прибыв туда, жили в землянках и шалаках. Суворовские условия жизни и работы сплотили их в крепкий, дружный коллектив, заставили их в борьбе с суровой действительностью. Это надо сказать тогда, когда все трудящиеся наше общество было услышал веселый, задорный, здоровый смех и шутки неженки в самой благоустроенной, обеспеченнейшей квартире, где подчас холит и воспитывают неженки и барчуки».

Студент буарского педагогического института И. Израилов рассказывает: «Обычно в разговоре о счастье один мой знакомый сказал: «Счастье бывает тогда, когда все гладко и хорошо течет в жизни». Я не согласен с ним, потому что в жизни встречается много преград, и их надо преодолевать. Долго и счастие никогда не бывает легкой. Да и не может быть настоящего счастья, добродышного, приходящего само по себе. Недавно говорит пословица: «Счастье хитрым поговяет». А что такое хитрость? Это успех поступивших в редакции писем читателей. Счастье — это только вдумавшись, говорит о своем счастье чувствовать себя советским человеком, быть гражданином нашей Родины».

Редакция благодарит всех читателей, принявших участие в разговоре о счастье. Неотомре из полученных писем сегодня публикуются в журнале.

СЧАСТЬЕ — В РАБОТЕ

Кажется, совсем недавно спорили мы с подругами по техникуму о счастье. И каждый судил о нем по-своему. Были и такие, которые говорили: «Я считала бы себя счастливой, если бы попала в денский муж и соборничего».

И вот все мы окончили техникум, многие работают, вышла замуж. Кто-то действительно нашел «денский муж». Она из подруг писала мне: «Не работаю, все толсто...» Живу хорошо, придерживаясь пословицы: «От работы кони дохнут». Не знаю, как может Гляя быть счастливой, где только выколапа она эту глупую посылку!

Я работаю в библиотеке. Часто слышу: «Какая скука сидеть и расписывать в формулярах, рутинная должность». Не могу удержаться, чтобы такому человеку не прочитать целую «лекцию» о работе книг, о том, как интересно работать среди них.

Из тех, кто сочувствует, что работа может быть скучной (недолго, если не смотреть на нее только как на средство для получения денег). Я пишу первый раз в журнал и, может быть, не очень выражаюсь. Не хочу, чтобы meine неправильно поняли: вот, мол, наверное, нет счастья в личной жизни, так выходит его в работе. Не правды! Если в семье не все гладко, можно быть в работе, но только не будет работы, то счастья в семье мне счастья не найти.

Нина АНТОНОВА
Пермской области.

ПОДЛИННО ДРУЖБА

Когда я прочитал статью В. Егорова «Какое оно, личное счастье?», я был удивлен. Неужели могут быть разные мнения по этому вопросу? Как можно допускать мысль, что существует какое-то «личное» счастье вне колхоза, вне общества, в котором мы живем!

В настоящее время я служу на Дальнем Востоке. Я считал тем, что стою на страже завоеваний Великого Октября, что И. Коваленко и его товарищи из Днепропетровска могут спокойно жить, работать, учиться и веселиться. Мое сердце наполняется гордостью, истинным счастьем, когда я вижу воспитанников детского сада на прогулке, когда слышу читаю об успехах наших рабочих и колхозников. Я считал, что охраняю их покой, наш народ, наше государство.

Я хочу рассказать о таком случае. В одно из воскресений на стадионе нашего гарнизона был спортивный праздник. Проходила десятикิโลметровый кросс на кубок, состоящий из пяти этапов. Надо назначать команд, по пять человек в каждой.

Вот и финиш. На стадионе стали появляться первые, наиболее сильные бегуны. Вдруг все замедлило. Смотрю, на беговую дорожку

М. И. Калинин, должен быть кузнецом, строителем счастья всех рабочих и крестьян, а когда он будет кузнецом и строителем своего собственного счастья.

Уважаемый тов. Коваленко! Если мои строки в какой-то степени помогут вам разоблачить политику и идеологию буржуазии, что я выполняю свой долг.

С искренним приветом

Ю. АНДРЕЕВ,
член КПСС.

В НОГУ СО ВСЕМ НАРОДОМ

Если бы обоим честного советского человека, неважно на его положение и материальное благосостояние во время Великой Отечественной войны спросили: «Счастья ли ты?» — он непременно ответил бы: «Нет! Не могу я быть счастливым, когда миллионы советских людей терпят от немецко-фашистской оккупации, когда весь советский народ переживает ужасы и тяготы войны».

Мне кажется, личное счастье неотделимо от счастья народа,

вместе с которым мы строим наше светлое будущее — коммунизм.

А вы никогда не забудем самоотверженный поступок Зинаиды Львовой, которая, рискуя собой, спасла жизнь маленькому Вите Ковалинскому, а сама осталась без сознания и была слепая? Нет, она не думала в то время о своем личном же. Так поступают советские люди, воспитанные на высоких идеалах чистой и благородной работы. Можем ли мы сказать, что в настоящее время З. Львова несчастлива? Нет, не можем. Она чувствует благодарность и заботу всего народа, ежедневно получает десятки писем со всех концов нашей страны. Вот что ей написал студент Николай Асташкин: «Счастье, что мы живем с тобой в Советском Союзе, где человек никогда не остается один в беде. Ты еще будешь счастлива».

Каждый, кто находит свое место в жизни и шагает в едином строю с народом, счастлив.

Николай ДАВЫДОВ,
машинист школы «Открытого общества» в Южнобережье г. Спально.

вышла какая-то странная группа. Один из спортсменов, видимо, очень устал. Товарищи, поддерживая его под руки, улетели к финишу. Нельзя было равнодушно смотреть на такое зрелище. И когда диктор объявил, что именно эта команда завоевала кубок, стадион взорвался аплодисментами. А в этой пятёрке были спортсмены, которые могли занять первое место. Но спортивная честь команды, своего подразделения для них была дороже личного успеха. Вот оно, настоящее спортивное счастье, подлинная дружба.

А. АРАСЛАНОВ

ПРИНОСИТ ПОЛЬЗУ РОДИНЕ!

Когда я задумываюсь над тем, как добиться в жизни счастья, я непременно вспоминаю нашу добрую старую учительницу Валентину Ивановну Грушину. Подвижница не по годам, она выделялась среди педагогов нашей школы удивительной энергией и работоспособностью. За это мы ее очень уважали.

— Быть полезным для народа, не лишним и посторонним в его жизни — счастье для человека, — говорила Валентина Ивановна перед нашим выпуском. — Но прежде чем принести пользу, надо найти свое место в жизни, полюбить свою профессию.

Найти свое место в жизни — главное для человека. Я знаком с одним парнем, который «за компанию» с друзьями поступил в горный техникум. Через два месяца он убедился, что «это не для него», и пошел работать на завод. Хорошо, что он быстро осознал свою ошибку, но бывает, что парень или девушка только по окончании учебного заведения начинают понимать, что полученную профессию они так и не полюбили. Это — явное несчастье и для них и для государства.

В. ЛУКЬЯНОВ
Горьковская область.

ЗА СЧАСТЬЕ НАДО БОРЬТЕСЬ

О счастье мечтают все, но оно не придёт само. За него надо бороться, и крепко бороться.

Счастье — добиться любимой работы. Тогда работа не просто «отбывание часов», а труд, который приносит удовлетворение, от которого человек делается счастливым. Но это еще не все. Еще хочется иметь друга, с которым можно поделиться этим счастьем; друга, который откровенно скажет тебе о твоих ошибках и недочетах; поможет их исправить; друга, на плечо которого в трудную минуту можно опереться и в котором можно быть уверенным, что он не «опоздает». Это тоже счастье.

Счастье — иметь хорошую, дружную семью. Воспитывать детей честными, смелыми, самоотверженными, привычными к труду и любимыми труд. Воспитывать так, чтобы они были хорошими гражданами, достойными своей великой Советской Родины. Вот полное счастье.

Ольга МАРЧЕНКО
П. Малин,
Литовской области.

ЕСТЬ РЕЗЕРВЫ У «СПАРТАКА»!

Фото Г. Дубинского.

Финальная встреча на кубок СССР. Мячом завладел Никита Симонян...

У футболистов и тренеров всех футбольных команд класса «А», у всех их многочисленных болельщиков есть самая заветная мечта — сделать дубль. Немногим командам удавалось за историю советского футбола добиться такого блестящего успеха: завоевать и первенство страны и кубок. В этом сезоне после напряженной и острой борьбы «сделал дубль» московский «Спартак».

Успех обзывает спартаковских футболистов не уронить в дальнейшем своей спортивной славы. Мне хотелось бы поговорить о ближайшем будущем команды, о новых игроках, которые скоро войдут в нее.

Когда среди футболистов заходит разговор о каком-либо новичке, появившемся в той или иной команде, прежде всего задается вопрос о его возрасте. И в самом деле, это очень важный вопрос. Чем старше футболист, тем быстрее он устает. И поэтому тренер старается вовремя влить в команду новые силы. Но омоложение команды — очень сложное дело.

Над безобидного критерия для определения точного срока замены «старого» футболиста бо-

лее молодых. «Футбольная старость» — понятие весьма условное. Один футболист в двадцать лет играет как «старичок», а другой в сорок бегает, как юноша. Например, Стенли Мэттьюс, знаменитый английский футболист, до сорока с лишним лет занимал ме-

Закончился сезон. Но даже в холодные осенние дни на футбольном поле в Тарасово дублеры «Спартака» продолжают тренировки, готовясь к будущим встречам.

- ПОБЕДА ОБЯЗЫВАЕТ.
- НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — «ОМОЛОЖЕНИЕ» КОМАНДЫ
- КТО ЗАМЕНИТ «СТАРЫХ» ИГРОКОВ!

сто правого крайнего нападения в сборной команде Англии. Все наши выдающиеся мастера командного мяча: Федор Селин, Михаил Буггус, Григорий Федотов, Николай Деметев — играли в возрасте тридцати пяти лет и старше. Виктор Ворошилов из «Локомотива» до сих пор поразает своей выносливостью. Глядя на него, думаешь, что по полю бегает совсем юный футболист. А глядя — в паспорт и увидишь, что игрок перешагнул «старческий» рубеж: ему уже за тридцать. Вот и выходит, что гражданину Ворошилову тридцать один год, а футболисту Ворошилову двадцать. Одним словом, паспорт в этом вопросе не очень надежный показатель. В своей тренерской работе я, например, всегда придерживался правила: возраст игрока оправдывается его игрой.

Все это так. Но, тем не менее, вопрос омоложения команды всегда был и всегда будет жизненно важным для каждого футбольного коллектива. В московском «Спартаке» к критическому рубежу подошли годы Никиты Самойлова, Сергея Салинкова, Алексея Парамонова, Николая Тищенко; «почтенный» стаж имеют Валентин Исакин, Игорь Нетто, Анатолий Солдатов, Анатолий Ильин и Анатолий Масленкин.

Принято считать, что своего расцвета футболист достигает примерно к двадцати пяти — двадцати шести годам, когда лучше всего сочетаются сила и опыт.

А все упомянутые мною игроки основного состава «Спартак» уже на несколько лет перешагнули этот «золотой» возраст. Нынешний состав «Спартак» исчерпал почти все потенциальные возможности. Нужна смена. И такие силы в резервах у «Спартак» есть. Это «дубль» команды.

Кого же из дублеров можно считать первыми кандидатами в основной состав одной из сильнейших команд страны? Ведь всю команду менять сразу нельзя. Преждевременное выдвигание так же вредно, как и запоздавшая смена. Но, с другой стороны, лучшее воспитание молодежи получается, играя бок о бок с футболистами старшего поколения. Один год игры вместе с Симонья-

Команда «Спартак» — победительница финальной встречи на кубок СССР и чемпион страны 1958 года.

Молодежный состав дублеров «Спартак» с большим успехом провел сезон 1958 года. Среди дублирующих команд класса «А» спартаковцы заняли первое место, набрав 21 очко из 22 возможных!

Полноценная тренировка дала свои плоды. Ребята уверенно чувствуют себя на поле. Пока их, конечно, нельзя назвать вполне сформировавшимися мастерами. Зрелое мастерство приходит с годами игры в основном составе, но у каждого из них есть свои качества, которые можно рассмотреть как залог будущего успеха.

Крайний нападающий Греков обладает, например, незаурядной скоростью и превосходно пользуется обыкновенными движениями. И не случайно товарищи называют его «Гарриша». Но хотелось бы, чтобы его игра носила более агрессивный характер. Корнеева, выступающего под № 3, отличает мужественная, уравновешенная игра, но ему надо усиленно работать над повышением скорости. Мишин — самый быстрый игрок «Спартак», но его тактический кругозор на поле еще недостаточно широк. Холмогоров, как и Мишин, играющий в нападении и крайнего и полусреднего, — хороший тактик: он прекрасно видит поле, — но его удар по воротам заставляет желать лучшего. Отличительное качество Лобутева — умение вовремя и решительно ударить по воротам противника. Лобутев — результативный футболист, и эту лучшую характеристику нападающему.

Таковы первые резервы «Спартак». За право перехода в основной состав с ними конкурируют товарищи по команде дублеров Валерий Чумичев, Юрий Иванов, Феликс Конжухов, Михаил Авербух и другие.

Кому из них будет сопоставлять наибольший успех, мы узнаем в будущем сезоне, когда на стадионах страны вновь начнутся горячие футбольные схватки за призы, кубки и звания чемпионов.

Андрей СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта.

В минувшем футбольном сезоне Анатолий Измаил забил девятнадцать голов.

ном или Салыниковым даст Борису Лобутеву, к примеру, больше, нежели пять лет выступления в окружении своих сверстников.

Кандидатами на переход в основной состав «Спартак», мне думается, являются Игорь Греков, Борис Лобутев, Виктор Мишин, Алексей Корнеев, Евгений Холмогоров. Все они ровесники, и все они очень молоды. Только в будущем году им исполнится по двадцать лет. Но у них уже большой «спартаковский стаж». Они начали играть пять лет назад в команде мальчиков «Спартак». Затем все вместе шагали к высшему спортивному мастерству по лестнице спартаковской футбольной школы в Тарасовке: юношеская команда, первая клубная и, наконец, команда дублеров.

За годы обучения в футбольной школе (тренер — заслуженный мастер спорта К. И. Рязанцев) дублеры усвоили тактические содержания футбола. Спартаковцы-мастера помогли им воспринять свой «сочер», свой стиль игры. Пройдя многогодичную клубную школу, дублеры показали высокие атлетические качества, которых в отдельных матчах прошлого сезона не хватало кое-кому из стариков основного состава.

Победители совершают круг почета. Впереди — капитан «Спартак» Игорь Нетто.

«Рождение мастера» А. Власенко

ПРИКАЗНИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Турье.

(См. «Смена» №№ 16—21)

— Так вот насчет того Кованькова, о котором я вас спрашивал... Он занял у нас глупую позицию упорного молчания. Не могли бы вы победствовать на него?

— Он бежал сюда сам? — быстро спросил Субботин.

Хауссон улыбнулся: — Бежал с нашей помощью.

— А точнее? Это для меня очень важно знать прежде, чем с ним разговаривать.

— Да, мы это знали.

— Это хуже... Субботин задался, потом заговорил, точно размышляя вслух... Тут ведь совсем иная, чем у меня, психология, другое состояние. Для меня вопрос перехода на Запад был, так сказать, подготовлен всем ходом событий, а для него это полная внезапность. Но все же попробуем...

— Можно понять, как трудно было Субботину изображать полное спокойствие: ведь именно ради встречи с Кованьковым провалялся эта рискованная часть рычагового плана!

28

Субботин потребовал, чтобы разговор проходил без свидетелей. Хауссон согласился, но сказал:

— Будет только один невидимый свидетель — микрофон...

— Это можно... Когда состоится разговор? — Сначала я хотел бы просить вас самого сделать краткое заявление для печати и радио.

Субботин усмехнулся:

— Вы что же, думаете, что у меня есть еще путь назад? Не беспокойте, путь нет... Субботин помолчал. — Заявление, конечно, я сделаю.

— Я просил бы вас просто зачитать текст, который подготовим мы. Вопросов к вам не будет.

— Можно ознакомиться с текстом?

— Конечно, вот он... Хауссон протянул лист бумаги с довольно коротким машинописным текстом.

Субботин стал читать. О нем самом в тексте было всего несколько строчек: «Я бежал из Советской Армии по сугубо личным мотивам, которые излагать нет надобности, они касаются только меня». Далее в заявлении было неожиданное. Субботину предлагалось перед лицом немецкой общественности засвидетельствовать, что в Восточном Берлине проводятся массовые аресты немецких патриотов — сторонников объединения Германии — и что особому гонению подвергается старая немецкая интеллигенция. Заканчивалось заявление так: «Моей невестой является немецкая девушка-студентка. Подвергнув сразу несколько человек. Так что нет ничего удивительного, если в Западном Берлине я оказался вместе со своей невестой».

При разработке операции учитывалось, что его можно заставить сделать публичное заявление. Условившись, что Субботин будет податлив, во все же обязан стараться принести к минимуму тот вред, который может причинить его выступление.

П. РОЗОВА

«Мое из-
дательство»

ЛЕГЕНДА, СТАВШАЯ БЫЛЬЮ

В Казахстанской степи, над вершинами Ала-Тая, над долиной Тургае много веков кружила орлица-песня. Когда-то, в далекие-далекие времена, пел ее людям молодой юнок:

Кто не боится труда,
Идите за мной,
Чем богата эта долина...

Не звалот молодой динчик показывать свой клад баям и змирам, и они убили его. А песня стала дикой, гордой орлицей, и долго никто не мог разгадать ее.

И только в советское время нашли люди в Тургайской степи руду, содержащую «пылкий металл алюминий»...

Книга очерков Р. Розовой «Мы из Латвии», вышедшая недавно в Латвийском государственном издательстве, — это взволнованный рассказ о молодых геологах — открывателях земных тайн, о комсомольцах-добровольцах, приехавших из далекой Латвии в Казахстан на строительство бокситовых рудников.

Десятки, сотни больших и малых трудностей встречались им. Иногда приходится менять специальность: стройке нужны в первую очередь камешки, землекопы, плотники...

Пять девушек-почталюнов в короткий срок становятся рабочими по монтажу отопления в зданиях. Налегко, особенно на первых порах, давались им учеба и работа; но желание быть полезными строике помогло превозмочь все трудности.

Ни жестокие морозы, ни адовая жара не могли помешать строителям. Настоящий героизм проявляет скромный парень Федор Беглюк, возглавлявший автоколону. В жестокий буран четверть суток прокладывает Беглюк дорогу старельным машинам. Люди и продовольствие были спасены.

Разбушевавшийся знойным летом пожар грозит уничтожить строительство. Герои-челси, с риском для жизни ликвидируют его комсомольцы во главе с плотником Янисом Кюшча.

Большая, благородная цель у строителей, ради нее они стойко переносят все невзгоды.

Молодежный коллектив строительства не терпит в своей среде лодырей, эгоистов, летунов, порхающих с одной работы на другую. Автор показывает, как комсомольцы перевоспитывают таких людей, помогают им менять свой характер и привычки. Немало труда пришлось потратить работам на «отлетель» во главе с Генкой Моисеевым, чтобы заставить их по-честному работать. И хлопоты комсомольцев не пропали даром: «бракман», как ее презрительно именуют до этого, превращается в хорошую бригаду во главе с тем же Генкой.

Розова, рассказывая о подвигах латвийских комсомольцев в Тургае, не забывает и о тех, кто открыл залежи бокситовой руды, кто упорно искал источники воды, так необходимый в этих степях. Читатель знакомится с опытным геологом Алексеем Николаевичем Волковым, которому Тургайской обман своим рождением; с Владимиром Ивановичем Долгатыным, потратившим свою жизнь исследованию степи; с «водным богом» Акимом Ефимовичем Петровым. Тяжелый и опасный труд этих людей вознагражден сторцей. Суровая Тургайская степь раскрывает перед ними свои подвешные кладовые.

Скупыми, но меткими штрихами умает Р. Розова нарисовать и опытного геолога и молодого строителя. Читая очерки, можно легко представить себе Юлию — «перекресток-пол», девчачьего Бригадирра Яниса Бебриса, команданта Марину, плотника Яниса Кюшча. Каждый из этих героев своеобразен, самобытен, но все их объединяет одно общее горячее желание довести начатое дело до конца.

Настроением бодрости, неуемного оптимизма, радости труда пронизана вся книга. Поэтому даже суровая природа Тургайской степи в очерках духом лиризма, красоты и величия. В картинах степного пейзажа тонко и верно подмечены богатейшие его оттенки и краски, неповторимый степной колорит.

Очерки интересно построены и композиционно. Рассказы не сводятся к «слого автору, то до строителя, то через дневниковые записки комсомольца — участника событий. Каждый очерк четко, ясно, без лишнего подробностей и деталей рисует людей большой силой строителей. Исключением является лишь последний очерк, «Девушки». Рассказ о девушке-плотнике непропорционально растянут, перегружены ненужными деталями, которые не вносят ничего нового в раскрытие характеров.

В целом же книга очерков «Мы из Латвии» — несомненная удача автора.

Н. СОКОЛОВА

«ДЕВУШКИ»

Молодой прозаик В. Щербанов, проработавший много лет станочницей и наладчицей полуавтоматов на одном из московских заводов, написал книгу о труде и быте комсомольцев-производственников — повесть «Девушки», выпущенную издательством «Молодая гвардия».

Повесть, как принято говорить, разрешается «производственной проблемой». Но в центре внимания писательницы все время находится люди с их переживаниями, заботами и радостями. «Плотно в цехе», — говорит героиня. «В цехе — это значит, что ты работаешь. Но еще лучше тот поток, который его создает — огромный поток молодости нашей великой Родины».

Большая удача автора — образ главной героини повести Вары Бибиковой — девушки-работницы, решившей стать инженером. Варя окончила револьверное училище, ее назначили бригадиром, но она по вечерам продолжает учиться в техникуме. Варя притянула к себе внимание начальника цеха и директора, чужестранности мысли, благодарству чувству. Ее противостоят Тамара Комова, способная работница, но эгоистка и меркантильница по своему внутреннему облику. В противоборстве двух противоположных типов характера, бездушной стяжательности — тор до бился большой художественный эффернт.

В книге глубоко и верно раскрыта жизнь комсомольской организации. Коллектив — активная, действующая сила, помогающая людям расти. Всеми творческими успехами Варя обязана своим друзьям-комсомольцам, рудникам. В труде Варя и Тамара находят рядом с собой номсгора Бориса Сидорова, комсомольца Мюлю Субботина, Ниночу Степанову. Эти отношения людей входят в ее жизнь как верные и чуткие друзья.

«Девушки» — повесть о жизни молодой правды: в ней убедительно и ярко показано поточное и непроходящее, что составляет основу повседневной, общественной жизни советской молодежи.

А. ВЛАСЕНКО,

кандидат филологических наук.

Субботин задумливал над текстом. Ничего нового в нем не было: о мнимых репрессиях в Берлине уже неоднократно писал и издавал каждый день. Так что наверняка далеко не все журналисты об этом заявлении наившту.

— Что вас смущает? — осторожно спросил Хауссон.

— Совершенно не информирован по этому вопросу. Вардуг кто-нибудь спросит меня о конкретных фактах?

— Никаких вопросов к вам, повторяю, не будет.

— Ну что ж, тогда все в порядке, — облегченно произнес Субботин.

Пресс-конференция состоялась через час в помещении комендатуры Западного Берлина.

Журналистов было меньше десяти человек. Председатель конференции, высокий немецкий чиновник, извинился перед журналистами, что он не смог вовремя информировать о конференции все корпус журналистов. Он попросил присутствующих поднести материалом со своими коллегами. После этого и зал вошел Субботин. Первое, что он увидел, — сидевшую в первом углу зала Наташу Посельскую. Он улыбнулся ей и прошел к столу.

Хауссон сидел в самом конце зала.

Для репортера говорили что-то в свои микрофоны, а теперь протузили их к Субботину, с любознательным разглядывая его. Субботин спокойно, неторопливо подбирая слова, пересказывал текст заявления. Когда он сказал о немцах, сидевший за столом чиновник сделал галантный жест в сторону Посельской.

Журналисты оживленно зашумели. Субботин кончил говорить. Сидевший за столом чиновник быстро встал и объявил пресс-конференцию закрытой.

— Вопросы! — закричали журналисты.

Субботин сделал такой жест, будто готов ответить на вопросы, но чиновник заступал карандашом по столу.

— Тише, господа, тише! Нельзя быть такими зловещими. Русский офицер будет отвечать на вопросы, когда мы соберем всех журналистов. Это произойдет в ближайшие два-три дня. До свидания, господа, спасибо!

Субботин подошел к Посельской и тихо сказал ей:

— Мне поручают обработку Кованькова. Сообщи.

К ним подошли фоторепортеры. Замгалили вспышки блиц-лампы.

— Хахат, хяхат! — Подошедший майор Хауссон отнесся репортерам. — Все прекрасно, капитан! Но, увы, должен разлучить вас с Анной Лорх. Работа есть работа, нас с вами ждут.

29

И вот Субботин и Кованьков вдвоём в маленькой комнатке без окон. Их разделяет только стол. Где скрыт микрофон, не видно.

Первый разговор с Кованьковым был для Субботина необычайно трудным. Трудным и в то же время необыкновенно радостным. Кованьков с презрительной усмешкой смотрел на Субботина, у которого это взгляд вызывал двойственное чувство — и злобности и удовлетворения тем, как держится пленный лейтенант.

— Ну, лейтенант, давайте знакомиться. Капитан Скорцов.

— Не имею желания знакомиться с предателем Родины, — быстро проговорил Кованьков.

— Глупо, лейтенант! Нелепо дожидаться! А действительность выглядит так: для вас, как и для меня, возврата туда, где мы с вами служили, нет. Неужели вы не понимаете, что после всего случившегося в армии вам места не будет?

— Меня похитили бандиты, и моя армия это знает! — убежденно воскликнул Кованьков.

— Хорош советский офицер, которого можно украсть, как зазевавшуюся курицу!

Кованьков, помолчав, брезгливо спросил: — Неужели вы тоже были советским офицером?

— Да, и неплохим. Но обстоятельства так сложились, что я оказался здесь и несколько об этом не жалею.

— Вы для меня — изменник Родины, — твердо сказал Кованьков. — Если бы у меня

было оружие, я, не раздумывая, застрелил бы вас, как собаку.

— Значит хорошо, что у вас нет оружия, — усмехнулся Субботин. — Перед тем, как закончить нашу задуманную беседу, я хочу сказать вам, что может случиться. Вас увезут в Германию. И тогда за вашу судьбу уже никто поручиться не сможет. Для них, — Субботин кивнул через плечо, — самым лучшим вариантом будет ваше полное и надежное исчезновение. Вы просто исчезнете навсегда, будто вас и не было на этом свете. Они умеют это делать ловко.

— Лучшее смерть, чем предательство! Передайте это тем, кому вы продались. Так и передайте: лейтенант Кованьков готов умереть в любую минуту, но присяге не изменит! И умирайте! Я не желаю дышать с вами одним воздухом! — Кованьков вскочил, лицо его побурело.

— Прекрасно, лейтенант. — Субботин встал, чуть наклонился через стол к Кованькову и почти в ухо ему шепнул: — Так держат, лейтенант! — и, весело подмигнув, вышел из комнаты.

Слова, шепотом сказанные Субботником, и его подмигивание не сразу дошли до сознания Кованькова. Лейтенанту показалось, что капитан — симпатизирующий ему человек. Но поверить в это было невозможно.

Субботин застал Хауссона сидящим в глубокой задумчивости перед радиодинамиком.

— Вы говорили с ним хорошо... — не оборачиваясь к Субботину, сказал Хауссон. — И пригрозил ему правильно. Действительно, есть предел нашему терпению.

Субботин пожал плечами.

— Все-таки нужно еще немного терпения. Я убежден, после сегодняшнего разговора он заново обдумает всю ситуацию, а завтра я сделаю новую попытку. Сейчас мне хотелось бы поехать к Анне Лорх.

Хауссон встал.

— Нет, капитан. Несколько дней вам придется пожить в этом доме. Сейчас вас покажут комнату.

Хауссон нажал кнопку, и тотчас вышел солдат.

— Покажите господину его комнату и объясните, как пользоваться сигнализацией. Спokoйной ночи, капитан!

Субботин, не ответив, с обижанным лицом вышел из кабинета.

30

В это время связь Посельской со своими была устроена на первый взгляд довольно просто. Связной каждый день должен был пройти в определенном месте Западного Берлина, имея обусловленную примету, и незамеченно сделать с Посельской микроскопом.

При обработке этого снимка в действие вступил сложный шифр, в который входила и одежда Наташи, и положение ее рук, смачиваний, шафта, шляпки, и еще многое, многое другое...

Наташа высчитала время сегодняшней встречи и начала готовиться. Больше часа у нее ушло на то, чтобы подчинить свой внешний вид краткому шифрованному сообщению: Субботнику поручена обработка Кованькова.

Ровно в два часа Наташа вышла на угол площади перед зданием Национального музея. Она медленно шла по тротуару, всматриваясь в прохожих. Вот из-за угла вышла человек с синей, свернутой в трубку бумажкой. Он шел медленно, раслабленной походкой. Наташа двинулась навстречу. Шагов за десять они встретились взглядами и вот уже разминувшись.

Первая связь прошла хорошо...

В шесть часов утра Субботина разбудил дежурный солдат. Майор Хауссон был уже в кабинете.

— Как выспались, капитан?

— В его вопросе Субботин уловил нотку раздражения и насторожился.

— Не хватало часов двух, — беспечно ответил он.

— Нужно кончить с Кованьковым. Установлено, что он всю ночь не спал, очевидно, обдумывая ваш разговор. Человек всегда думает после бессонной ночи. Сегодня дайте ему

Рядом с шофером сидел знаменитый Субботин, офицер из отдела Хауссона.

понять, что мы не постесняемся в выборе средств, чтобы достойно вознаградить его искусство. Он настаивал один против всех нас. Страх за судьбу — это не наша тема.

— Он может спросить, чего от него хотят. — Совсем немногого. Мы устроим широкую пресс-конференцию, и он, как офицер штаба, осуществляющий связь с немецкой администрацией, сделает сообще-ние по Советским телевидением в Берлине — голая пропаганда. Такова программа-минимум. Потом его заявление можно будет значительно расширить. Сейчас говорите с ним только о минимуме.

Лейтенант Кованьков действительно провел бесконную ночь. Его лицо было серым, помятым.

— Как чувствуем себя? — весело спросил Субботина.

— Отлично. — Кованьков подобрался и в глазах у него вспыхнул уже знакомый Субботине огонек упрямства.

Они снова сидели друг против друга. Субботина встала хитро и сложную игру. Он говорил Кованькову именно то, что требовалось Хауссоном, а в это время глазами старался подбирать лейтенанта. «Держись и знай: я твой друг». То невероятное, о чем все только думал Кованьков, снова подтверждалось, но он по-прежнему держался настороженно. Не взирая на разговор, Субботина вынул из кармана бумажку и написал на ней: «В конце скажи: «Дайте мне три—четыре дня, чтобы все обдумать».

Субботина показал записку Кованькову, продолжая все время грозить лейтенанту расправой. Кованьков молчал. Субботина подлизался.

— Ну, лейтенант, последнее слово! От него зависит ваша жизнь.

Кованьков посмотрел на Субботина и увидел в его глазах все то же подтверждение невероятного. И лейтенант решил довериться. В конце концов он ничего от этого не терял.

— Просту дать мне три—четыре дня...

— Вот это слово! — вскричал, восклицая, Субботина. — Я сейчас же доложу о вашей просьбе начальству. До свидания.

Теперь Хауссон встретил Субботина гордо и приветливо.

— Ну что же, капитан, на трубе страха вы сыграли хоррорно. Что ни говори, страх—великая сила! Мы устроим Кованькову пишущую пресс-конференцию. И когда мы по поводу его заявления ударим во все колокола, в это поверят даже жулики.

Субботина подлизался и спросил:

— А вы не считали бы полезным, чтобы здесь оказалась та немецкая девушка, с которой дружил Кованьков?

— Нет. Он ей уже не верит. А для нас она просто опасна. В свое время мы убедили его, что от нее жив и находится здесь. Это помогло нам изъять Кованькова. А отца, разумеется, в живых нет. Потом, она наверняка находится под наблюдением советской разведки.

Жаль,— так прошептал Субботина, думая в это время о том, что Рената Цедлер, знающая, рассказала правду.

31

Ежедневно Субботина продолжал беседы с Кованьковым во время которых изматывал Хауссона вая разрабатывать смелый план.

Лейтенант полагался еще неделю, а затем согласился сделать все, что предлагала майор Хауссон. Да, он зачитает на пресс-конференции заявление, которое ему приготовили. Да, он ответит на вопросы, инспирированные тем же Хауссоном.

Пресс-конференция была назначена на пятницу. В четверг майор Хауссон провел репетицию, собрав для этого всех своих сотрудников. На репетиции Кованьков держался прекрасно. Субботина с восторгом смотрел, как искусно играл он роль советского офицера, который разочаровался в коммунизме, но никак не в своей Родине. Именно эту формулу развития Кованьков повторил в своем заявлении. И это требование, между прочим, весьма содействовало достоверности поведения лейтенанта.

Для пресс-конференции был снят большой зал Делегатского клуба. Его заполнили около двухсот корреспондентов, представлявших печать и радио всего мира. Добрый десяток ки-

нооператоров ждал героя пресс-конференции. Видно было, что Хауссон как следует разжег любопытство журналистов...

На сцену появились Кованьков и Субботина. Главный режиссер пресс-конференции майор Хауссон, как всегда, уселся в самом последнем ряду. В зале установилась мертвая тишина, только трещали кинокамеры да затворы фотоаппаратов. Корреспонденты быстро зашумели:

«Русский лейтенант изволовнан...»
«В руках у лейтенанта нет никакого текста, это вызывает доверие...»
«Мы не знаем, кто я с ним за столом второй, но он тоже очень возмущается...»

В тишине зазвучал ясный и твердый голос Кованькова. Он говорил на немецком языке.

— Господа, я обращаюсь к вашей совести, к совести общественного мнения всего мира. Оставайтесь еще на месте справедливыми и честными, мы должны поверить тому, что и сейчас рассказу, и стать на защиту справедливости.

Между прочим, это ступление Кованьков произвел и на режиссера, и на зрителей, и на журналистов в зале. Но почему-то сейчас начало речи лейтенанта встревожило Хауссона.

— Господа,— продолжал Кованьков,— я должен был пересказать заявление, которое подготовили для меня сотрудники американской разведки по главе с майором Хауссоном и еще вот с этим предателем, неким Сквиорцовым.

Кованьков показал на Субботина. Тот, изобразив на лице ужас и полную растерянность, отшатнулся от лейтенанта, а Кованьков в это время продолжал:

— Я был предательски выкраден той же американской разведкой из Восточного Берлина. Уходя из Берлина, я был вынужден сказать, они хотели заставить меня сделать заявление по шпалгалке. Я этого не сделал... В зале возник гул. Корреспонденты рукомерно прыжки по бумажке. Сенсация! Никакого истовая аудитория!

Хауссон вскричал. Чуть не потеряв контроль над собой, он хотел крикнуть: «Пресс-конференция закрывается!», но вовремя удержался. Все равно было уже поздно, никакая сила уже не могла погасить вспыхнувшую сенсацию.

— Я не буду говорить о политике,— продолжал лейтенант Кованьков,— так как знаю, что мои убеждения для вас чужды. Тем не менее я надеюсь на вашу помощь. Вот все, что хотел сказать. Да, еще несколько слов...

В это время Субботина бросился на Кованькова, оттолкнул его от микрофона и крикнул:

— Объявляете прервать!

Зал ответил на это хохотом и свистом. Кованьков пожал на Субботина и, перекрывая шум, крикнул:

— Наверное, для этого грязного типа уже устроили пресс-конференцию. Знайте! Это профессиональный уголовник, спекулянт, предатель!

32

Майор Хауссон, видавший всякие виды, умевший хладнокровно держаться в самых опасных ситуациях, теперь растерялся и струсил. У него было ощущение врага и заминчивая в собственном ведомстве, чтобы быть уверенным: пресс-конференция ему не простит. Он направился к генеральному кабинету и, сам того не замечая, шел все медленней и медленней.

Генерал брезгливо посмотрел на Хауссона и зашумел карандашом.

— Поздравляю вас, майор! Отличная работа! Америка вам аплодирует! На вас прекрасно заработали газетные издатели: в тот день в одном Нью-Йорке было продано в четыре раза больше газет.

Хауссон стоял не шевелясь и смотрел мимо генерала; он понимал, что вся эта зыблительная тирада—всего лишь вступление, и ждал главного, что, что определит उसे дальнейшую судьбу.

— Что вы молчите?!— крикнул генерал.— Или вы разучились не только работать, но и говорить?

— Что вы хотите сказать?— Хауссон пожал плечами. Это русский лейтенант сумел всех нас обмануть.

— Что значит всех нас?

— В первую очередь меня,— твердо произнес Хауссон.

— Так... А еще кого?

— Ну и еще меня! Но вы, как министр другой, знаете, что ошибки в нашей работе случаются.— Хауссон сказал это не без намека: он напомнил генералу о его скандальном провале в Касабланке во время войны.

— Не ожидает ли вы, майор,— усмехнулся генерал,— что пресс-конференция будет подставлена вам в засаду?

— Ни в коем случае,— быстро произнес Хауссон.— В меру моей личной вины я готов понести наказание.

В кабинете долго царил молчание. Потом генерал сухо сказал:

— В Берлине вам оставаться нельзя. Думаю, что вам придется принять нашу новую школу в Мюнхене. Я сегодня поговорю с центром. Нужно, чтобы прошло время и забылась эта ужасная история.

— Я согласен,— почти весело сказал Хауссон.— Тем более, что в теперешней бурной жизни все забывается довольно быстро.

— Не забудьте о своих контракторах. Для вас нас создадут напряженное положение.

— Людей устроили, вроде нас с вами, сменяют новые, и дело поправится... Как вы предлагаете поступить со вторым русским?

— Я не смею его досе.— Генерал пожал плечами.— Это ведь подвести не может. Как он ведет себя?

— Уррчен. Попадая. Брался застрелить лейтенанта собственноручно.

— Сегодня русские поотвалили требование о его выдаче. Захватил генерал.

— Что им ответить?

— Сиюва ничего. Но я дал интервью западно-берлинской газете, где заявил, что этот русский офицер сам избрал запад.

— Вы уверены, что он на вас в школе?— спросил Хауссон.— Ведь он знает Россию, ее порядки, бытчи...—

Генерал покачал головой.

— Не знаю, майор, не знаю. Если центр решит доверить вам школу, тогда вы сами этот вопрос и решите... Ну, а немцы выигрели!

Майор Хауссон стал начальником школы по подготовке агитации для засеклы. Восточному германому и Советский Союз. Конечно, для него новая должность была понижением. С тем большим усердием он приступил к исполнению своих обязанностей, надеясь как можно скорее заслужить прощение, грехов и вернуться к более знакомой работе.

«Ещебное заявление» помещалось в старинном замке, в пятидесяти километрах от Мюнхена. Со всех сторон замок окружал огромный парк.

В школе работали два отделения: немецкое и русское. На русском отделении обучалось около двадцати человек. Все они были из так называемых «перемещенных лиц».

Одним из русских Хауссоны больше всего понравился Герасим Барков, тридцатипятилетний мужчина удивительно внешних контрастов. Геркулес, а руки маленькие, женские, холеные. Девячьи чистое, нежное лицо, темные, немигающие глаза с матовым, свиновым блеском, глаза убитыла. Во время войны работал в гестапо в Дюсселе. Потом бежал в Германию.

Познакомившись с курсантами, Хауссон стал вызывать к себе преподателей. Все они хорошо знали свое дело, но абсолютно не представляли себе особенностей России, куда должны были попасть их питомцы.

Нет ничего удивительного, что Хауссон вспомнил о Субботине: «Да, Сквиорцова можно и нужно использовать в школе. Надо только нестерпимо время, еще понаблюдать за ним, не изменил ли он своих взглядов после пресс-конференции».

33

Журналисты, гадала и толкатель, покинули зал. Субботина и Кованькова увели через дверь на сцене. И наконец наступила минута, когда Посельская осталась в зале одна. Что делать? Наташа быстро вышла из зала. В фойе—ни души.

В гостинице погря, передавая Наташе ключ, сказал:

— За вами долг, фрейлейн.

— Разве мой номер не оплачен? — удивилась Наташа.

— Увы! — Порты развели руками и непомято улыбнулись.

К стойке порты подошел и стал рядом с Наташей пожилой и какой-то помпезный мужчина.

— Просту прощения! Несколько вопросов для газеты.

— Я устал! — Наташа бесцеремонно оттолкнула журналиста и быстро асбеждала по лестнице.

В номере пожилая немка произвела уборку. Увидев хозяйку комнаты, она выключила пылесос и с сдержанным презрением посмотрела на Наташу.

— Как нам только не стыдно заниматься такими делами? — вдруг со злостью сказала она.

— Какими делами?

— Гризиньи — вот какими! — Уборщица сердито выдернула штепсель пылесоса. — Что долго вы сделали русские? Убрали банду Гитлера? Да?

— Я бы посоветовала вам, — жестко сказала Наташа, — не совать нос, куда не следует. Убирайтесь отсюда!

Гремя пылесосом, уборщица вышла из номера. Наташа вздохнула: «Все же я поступила правильно. Мало ли что?.. Это могло быть и провокацией. Но что еще-таки с Субботиной? Полагая ли возможность дать о себе знать? Как поспугать мне самой? Судя по всему, от меня порпору отделяются, я им больше не нужна».

Раздался стук в дверь. Не успела Наташа отозваться, дверь открылась, и в номер вошла Рыцегов.

— Здравствуйте, фрейлейн. Не откажите в любезности ответить на несколько вопросов.

— Пожалуйста. Садитесь...

Рыцегов вынул блокнот и начал задавать вопросы. Наташа отвечала. Потом Рыцегов встал, поблагодарил за интервью и ушел. На столе осталась записка:

«Сегодня же поезжайте в Мюнхен, Янитес Гамбургерштрассе, 25, квартира 11, там живет ваша двоюродная сестра Амалия Штери. Она поможет вам устроиться на работу. Все идет хорошо».

34

Субботина уезжала из Берлина через час после пресс-конференции, уезжая в какой-то глухой отсинок. Здесь в полной безвестности он прожил шесть дней. На седьмой день во время обеда в его комнату вошел знакомый офицер.

— Просту прощения, но вам нужно повториться. За вами приехали...

Рядом с шюфером сидел знакомый Субботину офицер из отдела Хауссона.

— Здравствуйте, мистер Жерард! — как только мог искренне обрадовался Субботина.

— Не отвечая на приветствие, офицер открыл заднюю дверь. Через минуту машина сорвалась с места и помчалась по аллее.

Субботина тронул за плечо офицера и, прижавшись к нему, тихо сказал:

— Мистер Жерард, неужели вы не уничтожили этого лейтенанта?

Офицер пожал плечами:

— Скандла получил пересуд шариковую оглдуку. И вообще я не хочу говорить об этом.

Субботина видел, что офицер в дурном настроении. Но кое-что уже известно: Кованьков жив! Прекрасно! Задним умом прошу друзей:

— Куда мы едем, мистер Жерард?

— В Мюнхен.

— Зачем?

— Я думаю, вы там будете жить и работать.

— Где Анна Лорх?

— Понятия не имею. Я занимаюсь только тем, что имеет отношение к делу.

Субботина поняла, что с Наташей дело плохо. От тревоги за нее похолодело сердце...

...Субботина сразу же обнаружил, что за ним ведется тщательная слежка. Началось с того, что в Мюнхене его поселили не в гостинице, а в заранее подготовленной квартире, в которой была даже экономика. Он прекрасно видел, что здесь регистрируется каждый его шаг. Ну что ж, регистрируется, господа! Субботина избрал довольно бесценный образ жизни:

вставал поздно, гулял по городу, посещал музеи, почти все вечера проводил в кино или в театре. Куда бы он ни пошел, за ним, как тень, тащился наблюдатель...

Прошла неделя. Наконец Субботина получил письмо: «Господин Скворцов, просьба се сегодня в двенадцать часов дня зайти по адресу Гартеширтрассе, 31, квартира 7, по адресу предоставления вам работы»...

Это в двенадцать Субботина стоял перед дверью седьмой квартиры. Его здесь ждали: только он протянул руку к звонку, как дверь открылась, и он увидел майора Хауссона.

— Проходите, господин Скворцов...

Они вошли в большую, со вкусом обставленную квартиру. Через анфиладу кабинет Хауссона проведя его в маленький кабинет, единственное окно которого выходило в голый осени свл. Майор сел в кресло, Субботина — на диван.

— Как жинете, господин Скворцов?

— Скучно. Где Анна Лорх?

Хауссон усмехнулся:

— Не знаю. Я не агент брачной конторы. И вы, думаю, вам скучно. По-моему, вы жинете здесь, как американский турист.

— Вот оттого и скучно! — сердито произнес Субботина. — Я без работы жить не могу. Особенно после всего, что произошло в Берлине.

Хауссон поморщился:

— Но лучше уж быть без такой работы, какую вы провели там... Это верно... Субботина вздохнул. — Но зато Кованьков так же, как меня, обманул и вас.

Хауссон помолчал и уже спокойно сказал:

— Будете работать со мной. Приготовьте ваши вещи. Завтра в девять часов утра за вами придет машина. Об Анне Лорх забудьте. И к этому вопросу мы больше не возвращаемся.

— Можно узнать, что за работа и где? — деловито спросил Субботина.

— Все узнаете завтра. — Майор встал, давая понять, что разговор окончен.

Несколько часов Субботина бродил по городу, обдумывая в анализировать встречу с Хауссоном. Он отлично понимал, что все сказанное майором принимать за чистую монету рискованно.

Но было одно успокаивающее обстоятельство: почему-то сегодня не было за спиной наблюдателя.

Субботина пошел через бульвар. У самого выхода он повернул назад, а в центре бульвара, где был фонтан, сел на скамейку. Нет, наблюдателя не было.

Но что за работу придумал мистер Хауссон для леш? Куда его завтра унесут?

Здесь, в Мюнхене, был для Субботина один завешный телефонный номер. Но к нему он имеет право прибегнуть только в самом крайнем случае. Наступила ли такой случай теперь? Пожалуй, нет. Пока остается одно: верить, что товарищи тоже действуют и всегда о нем помнят.

Это относится, в частности, и к тому человеку, которому принадлежит завешный телефон и тайный пароль: «Братья Райт».

Да, Субботина не ошибался. Тот человек с телефоном уже знал, что Субботина находится в Мюнхене, знал, где он жинет, знал даже, как он проводит время. И все же делало его люди пытались установить с Субботиным контактом.

...Субботина уже собрался идти домой, но в это время увидел женщину, которая медленно шла через бульвар «Наблюдатель»? Реиндло подождал, пока она пройдет. Женщина приближалась, в глаза глядя на Субботина. И вдруг он услышал, как она, не останавливаясь, выкрикнула:

— Братья Райт! Купите газету в книжке возле отеля «Глория»...

Газетный киоск стоял чуть в стороне от входа в отель. Субботина подошел к нему, выбрав момент, когда не было покупателей. В книжке сидела Наташа Поссельская. Ухватить ее было трудно: волосы другого цвета, другая прическа, кривлявая косметика, и все же это была она. Наташа протянула Субботину газету и тихо сказала:

— Шифр номер три. Здесь будет gebeurtenis или Амалия Штери. Живу и все: Гамбургерштрассе, двадцать пять, квартира одиннадцатая.

— Сегодня встречался с Хауссоном. Завтра утром меня увезет. Куда и зачем, не знаю! — сказал Субботина, просматривая журналы на прилавке.

— Желаю успеха! До свидания! — Наташа улыбнулась.

(Окончание следуют)

Сокровища РУДНЫХ ГОР

Рудных гор, раскинулся крупный комбинат «Висмут», оснащенный самыми современными машинами и механизмами. Тысячи рабочих добывают «атомное топливо», которое используется в народном хозяйстве исключительно в мирных целях.

За последние годы несравнимо улучшилась жизнь горняков. На месте незарачных хибарок барачного типа выросли благоустроенные жилые дома, появились магазины и клубы, детские сады и почтовые санатории.

На отеческую заботу народного правительства рабочие «Висмута» отвечают ударным трудом. Имена бригадира Ганса Рейнгольда, за-

С помощью специальных прибора маршейдеры проверяют направление штрефа.

бойщика Руди Боне, плотника Иоганнеса Гейнце и многих других знатных людей комбината известны далеко за пределами земли Саксонии. Трудовыми подвигами молодых горняков «Висмута» по праву гордятся юноши и девушки всей республики.

Недавно мне довелось побывать в этих краях и заснять несколько интересных, на мой взгляд, эпизодов из трудовой жизни и быта горняков «Висмута». Предлагаю их вниманию читателей «Смены».

Фотоочерк немецкого журналиста Герберта Хенского.

Уран в ГДР. Многие это может показаться странным. Но мы не оговорились: в нашей республике уже много лет добывается эта ценнейшая радиоактивная руда. Но только теперь, в годы социалистического строительства, в годы новой жиз-

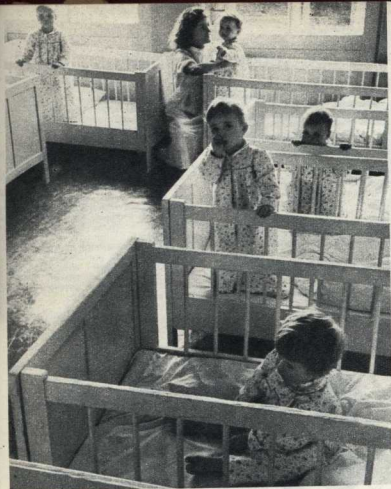
ни, уран и другие редкие ископаемые стали достоянием народа.

Десять лет назад в окрестностях небольшого промышленного городка Ауз было всего несколько старых шахт, на которых тяжелые, трудоемкие работы преимущественно выполнялись вручную. А сейчас здесь, в районе

Недалеко от рудников в живописной местности вырос благоустроенный горняцкий поселок.

Много руды добыл бригадир Ганс Рейнгольд за десять лет работы в забое. Если бы все же собрать в одном месте, получилась бы целая гора. За самоотверженную работу знатный горнец награжден орденом Труда и почетным значком «Активист».

В детских яслях всегда чисто, тепло, уютно. Дети горняков чувствуют себя здесь превосходно.

Народная власть проявляет отеческую заботу о рабочем человеке. Для тех, кто трудится на рудниках «Висмут», создан ночной санаторий. Приятно отдохнуть на свежем воздухе среди пышной зелени парка...

Заочная конференция читателей «СМЕНЫ»

Дорогие друзья!
Заканчивается 1958 год... Двадцать два номера «Смены» вышли из печати, они лежат перед вами. Ваше мнение о многих опубликованных материалах мы уже знаем из сотен писем-откликов. Редакция ушла большинство ваших советов и предложений.

Сегодня мы открываем заочную конференцию, в которой могут принять участие все читатели «Смены». Хотелось бы выслушать ваши пожелания и замечания о содержании и оформлении журнала, узнать, какие темы вас больше всего интересуют, на какие вопросы вы ищете ответа в очерках, корреспонденциях и статьях.

В 1959 году редакция намеревается публиковать в журнале материалы о грандиозных перспективах развития народного хозяйства СССР, которые будут намечены XXI съездом КПСС, о борьбе за выполнение этих планов. Журнал познакомит читателей с передовиками труда, молодыми рационализаторами и изобретателями, расскажет о том, как комсомольские организации выполняют решения XIII съезда ВЛКСМ.

На страницах «Смены» будут печататься очерки, корреспонденции и фотоочерки о рабочей и студенческой молодежи, о спортсменах, молодых артистах, писателях, учениках. В журнале вы найдете рассказы и стихи, критико-библиографические заметки, статьи о музыке, живописи, театре и кино, материалы о жизни молодежи за рубежом. Редакция предполагает в 1959 году вынести на обсуждение читателей несколько проблемных статей о воспитании молодежи, значительно больше публиковать материалов на научно-естественные темы.

По предложению читателей редакция в ближайших номерах начнет печатать научно-фантастическую повесть, проведет шахматную олимпиаду, продолжит фотоконкурс.

Итак, заочная читательская конференция открыта. Мы просим вас подробно ответить на предложенные вопросы, вырезать анкету и прислать ее в редакцию. Ваши критические замечания, наиболее интересные предложения будут опубликованы в ближайших номерах «Смены».

Наш адрес: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28, редакция журнала «Смена».

1. Какие рассказы, очерки, статьи, фотоочерки, опубликованные в 1958 году, вам больше всего понравились?

2. Понравится ли вам оформление журнала? Ваши пожелания на будущий год?

3. Какие материалы вы считаете неудачными? Почему?

Сборник-гигант

В Ташкентской библиотеке имени Алшера Навои хранится гигантский сборник, занимающий несколько шкафов. История его такова. В 1967 году известному петербургскому библиографу В. И. Межову было предложено «взять на себя подбор литературных материалов, относящихся к русской Средней Азии и сопредельным ей странам зарубежного Востока». Библиограф дал на это свое согласие и в том же 1967 году приступил к работе. Несмотря на препятствия, в Ташкент впервые собраны материалы, объединенные общим названием «Туркестанский сборник». Всего за двадцать лет Межов сумел собрать 416 томов. После смерти составителя начатый им труд был продолжен местными библиографами, в том числе ныне здравствующим профессором А. Семеновым.

Им удалось в 1966 по 1917 год подготовить еще 175 томов. Таким образом, сборник уже в дореволюционное время насчитал в себя 591 том!

Работа по сбору материалов продолжалась и в более поздние годы. Так, например, в 1939 году Е. И. Беггер — ученый секретарь библиотеки имени Алшера Навои — одал еще 3 тома. Если присоединить к ним 5 томов указателей, то получается в общей сложности 599 томов. Таков объем «Туркестанского сборника».

В библиотеке имени Алшера Навои есть немало уникальных книг: «Туркестанский сборник» по своим размерам выглядит среди них, как Гулливер в стране лилипутов.

Ф. ЦЕТАКОВ

4. О чем бы вы хотели прочитать на страницах «Смены» в 1959 году?

Составил Е. Антонов (г. Пенза)

По диагонали слева вниз:

1. Одна из палат парламента некоторых капиталистических государств.
2. Единица силы электрического тока.
3. Толстый хомст кустарного производства.
4. Десная птица из отряда воробьиных.
5. Личинка пчелы.
6. Хвойное дерево.
7. Средоточие, середина.
8. Вид спортивной борьбы.
9. Минерал, входящий в состав гранита.
10. Раскопное издание трагедии.
11. Коралловый остров кольцеобразной формы.
12. Одюветное растение семейства мальвовых.
13. Типографский шрифт.
14. Залив в Австралийском море.
15. Длинная австралийская сова.
16. Птица с красивым оперением из семейства куриных.
17. Река в Якутской АССР.
18. Советская поэтесса.
19. Сорник.
20. Морской залив.
21. Длинный горный баран.
22. Денюжная единица в Югославии.
23. Спортивная лодка.
24. Валки в чешельных машинах.

По диагонали слева вверх:

13. Спортсмен.
14. Молодой город в Таджикской ССР.
15. Мягкий металл.
16. Вачное растение.
17. Небольшая пещера в горной породе, образовавшаяся при остывании.
18. Равнинные степные пространства в Венгрии.
19. Рыба.
20. Дезинфицирующее средство.
21. Сооружение для предохранения от затопления водой низких мест.
22. Крупный город в Узбекстане.
23. Венгерский композитор, автор многих известных оперетт.
24. Французский писатель и философ XVIII веча.
25. Великий русский художник.
26. Цветок.
27. Полуостров или многогранный выступ в стене с окнами, защищающий череп несколько итапей.
28. Количество надоенного молока.

1. Точка пересечения поверхности Земли с воображаемой осью ее вращения.
2. Приспособление для зажима пружинного материала для толковых стержней.
3. Каминная пустыня в Сахаре.
4. Изображение лица прямо спереди.
5. Установившийся порядок общественной жизни.

Первая страница обложки: Выклетчатый хореографический ансамбль «Перелетца» (см. 6-ю стр.). Фото Е. Умнова.
Четвертая страница обложки: Солонхальское море. Фотоотд Л. Раскина.

5. С какого года выписываете «Смену»?

6. Сообщите, пожалуйста, свою фамилию, имя и отчество, где работаете или учитесь, домашний адрес.

Главный редактор М. А. Вельчко.

Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, И. Зонов, М. Луконин, А. Ремезов.

Оформление В. Урина.

Технический редактор О. Шваба.

А 09347. Подписано и печатано 27/ХІ 1958 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 1394. Заглав. № 2593. Формат бумаги 70х108/16. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПОПУТЧИЦА

Слова Игоря КОБЗЕВА.

Музыка Нины ИЛЛЮТОВИЧ.

Нашу встречу в скором поезде,
Наш короткий разговор
Не могу, скажу по совести,
Позабить и до сих пор.

Припев:

Если б знал, что так получится,
Я б не дал тебе уйти.
Где же ты, моя попутчица?
Разошлись у нас пути.

О любви не говорили мы,
Все стояли у окна,
И вина с тобой не пили мы —
Опьянели без вина.

Припев.

Как мне жаль, что в этой
повести
Лишь одной странички нет...
Я бы рад был в скором поезде
Ехать много-много лет...

Припев.

Средний темп

Нашу встречу в скором поезде, наш короткий разговор не могу, скажу по совести, позабить и до сих пор.

Припев:

Если б знал, что так получится, я б не дал тебе уйти.
Где же ты, моя попутчица? разошлись у нас пути.

О любви не говорили мы,
Все стояли у окна,
И вина с тобой не пили мы —
Опьянели без вина.

Припев.

Как мне жаль, что в этой повести
лишь одной странички нет...
я бы рад был в скором поезде
ехать много-много лет...

Припев.

Фото Н. Непомнящего.

Цена номера
2 руб.

